Купавна Zine

№ 2 / 2026

MINSKNEWS.BY

● ЛЕТОПИСЬ ● ХРОНИКА ● ГЕОГРАФИЯ ● ЭКСПЕДИЦИЯ

«...и я руку
к строительству дома
приложила...»

стр. 24

содержание

От Соавторства КупавнаZine
«Следующий номер дачный, надеемся, что удачный?» ... 2

Летопись: купавинская, неофициальная... ... 5

Татьяна Пацаева
«Мы жили на даче в период удачи...» ... 6

Купавинские летописцы
«Немного о Купавне и ее обитателях»
Из ПОСЛЕСЛОВИЯ к книге стихов Дмитрия Цесельчука «Купавна — чистая тетрадь…» ... 7

Елизавета Терпиловская
«Песнь не вмещает соловья…»
О летних чтениях Союза литераторов ... 10

Надежда Ажгихина
«Уютный вечер»: недописанная страница ... 12

Андрей Красильников
«В шестидесятый раз» ... 14

Хроника: семейная, параллельная... ... 17

Тамара Клейман
«О, дача, колыбель моя!» ... 18

Ольга Харламова
«Родом из Купавны» ... 19

Андрей Ваганов
«Осенний пикник на озере ледникового периода» ... 21

Ирина Баженова
«Так и жили» ... 24

Елена Архипова
«Соседи!» ... 27

Дмитрий Цесельчук
«Дорога к Полтевскому храму» ... 30

Нина Давыдова
«В окрестностях Купавны» ... 31

Александр Прохоров
«Дачные заметки» ... 34

География: литературная, справочная... ... 35

Наталья Трясцина
«Из цикла «Аммиачное-Дачное» ... 40

Константин Паустовский
Отрывок из очерка «Исаак Левитан» ... 42

Николай Фохт
«Сентиментальное утешение в Поваровке» ... 44

Анна Горностаева
«Дачница Марина» ... 48

Наталья Рожкова
«"Голос" летящего самолета» ... 52

Людмила Осокина
«Пусть себе плывут...» ... 54

Евгений Обухов
«За орехами» ... 56

Экспедиция: историческая, газетно-журнальная... ... 59

Лариса Шамикова
«Дачная пресса от… и до...» ... 60

Елена Лещенко
«Дачный экстаз» ... 67

Юрий Викторов
«Летнее» ... 69

Валентина Хлистун
«Дачный этикет» ... 70

Следующий номер дачный, надеемся, что удачный?

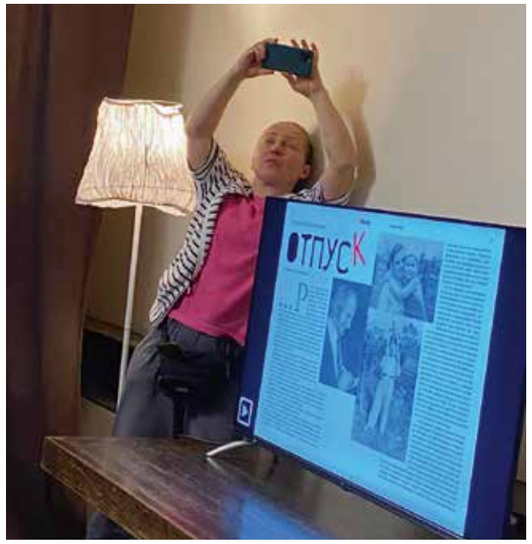
Сакраментальный вопрос, «быть иль не быть» продолжению журнала «КупавнаZine», окончательно решился на презентации первого номера (№ 1/2025) в легендарном литературном кафе «Бобры и утки».

В уютной обстановке собрались жители Купавны, друзья и коллеги авторов, журналисты и литераторы Москвы и других городов страны. Пришли познакомиться с новым изданием, вышедшим в формате «фанзина» — определения, не нами придуманного и сокращенного до слова «зин», как оказалось, малознакомого большинству участников. А нам было важно услышать оценки, мотивы и возможности профессионального печатного журнала, выпускаемого исключительно на общественных началах и личном интересе.

И по тому, как слушали нас и друг друга, щедро, креативно, аргументированно делясь впечатлениями и мнениями, никаких сомнений не осталось: следующему номеру «КупавнаZine» — быть!

Из заметок и рисунков на разноцветных листках бумаги, оставленных нашими гостями в конце вечера, возникла красочная коллекция историй, стихов и предложений для выбора тем и в нынешний номер, и «портфеля» издания на будущее. Осенняя встреча прошла в запоминающейся атмосфере взаимопонимания и воодушевления.

А впереди ждала долгая редакционная работа — непростая, но увлекательная. Ощутимым подарком в ней стала творческая помощь



Московской организации Союза литераторов России, поддержка и личное участие Дмитрия Цесельчука, Нины Давыдовой и Натальи Рожковой. Весной этого года МОЛ СЛ совместно с редакцией журнала организовали конкурс под зажигательно-обнадеживающим названием «Пора на дачу!», лауреаты которого стали новыми авторами «КупавнаZine».

Можно ли сегодня выпускать профессиональное, неподцензурное и востребованное печатное издание? Есть ли у него будущее и перспективы? Давайте думать сообща!

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Соавторство КупавнаZine

Фото **Валентина Гришина**

Презентация журнала «КупавнаZine» №1/2025. Фоторепортаж из кафе «Бобры и утки»

Лариса Шамикова

Дарья Виноградова, Анна Петрова

Надежда Ажгихина

Ольга Селиванова, Николай Фохт

Татьяна и Илья Цесельчуки

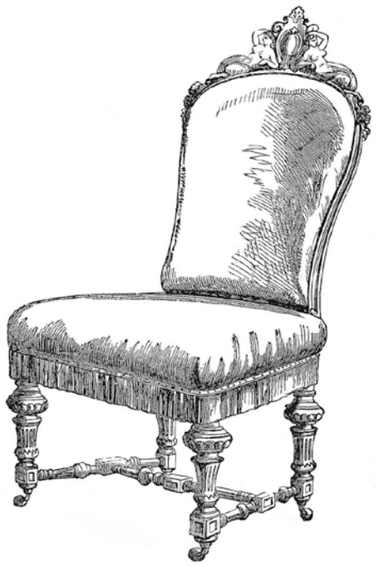
Елена Архипова

Александр Архутик

Андрей Красильников

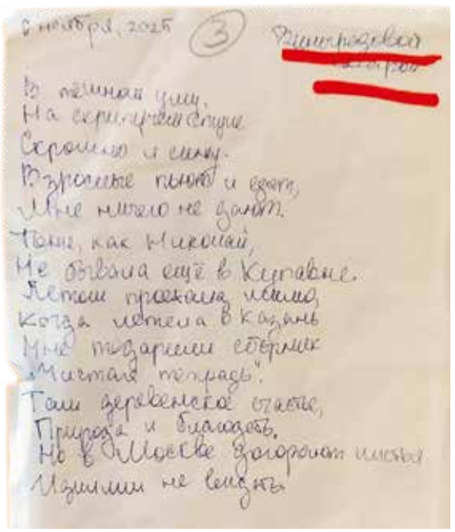
Из коллекции отзывов и предложений

Николай Фохт,
писатель и журналист:
«Делать сегодня бумажное издание — это и смело, и правильно… берешь в руки журнал — листаешь, разглядываешь, любуешься. Композиция, соразмерность, контраст, тактильность текста и изображения — ничем электронным такого не достичь. Материализация замысла — это усилие, а сегодня — сверхусилие… Журнал заявлен как zine (то есть, рукодельный). И парадоксально: полиграфия рукодельность уже не портит; полиграфия встает с ней наравне. Такое возвращение к первым оттискам, к китайскому VII веку, европейскому XV. Бумажный журнал или газета становятся артефактами, сакральными объектами…»



Дарья Виноградова,
студентка Литературного института им. Горького:

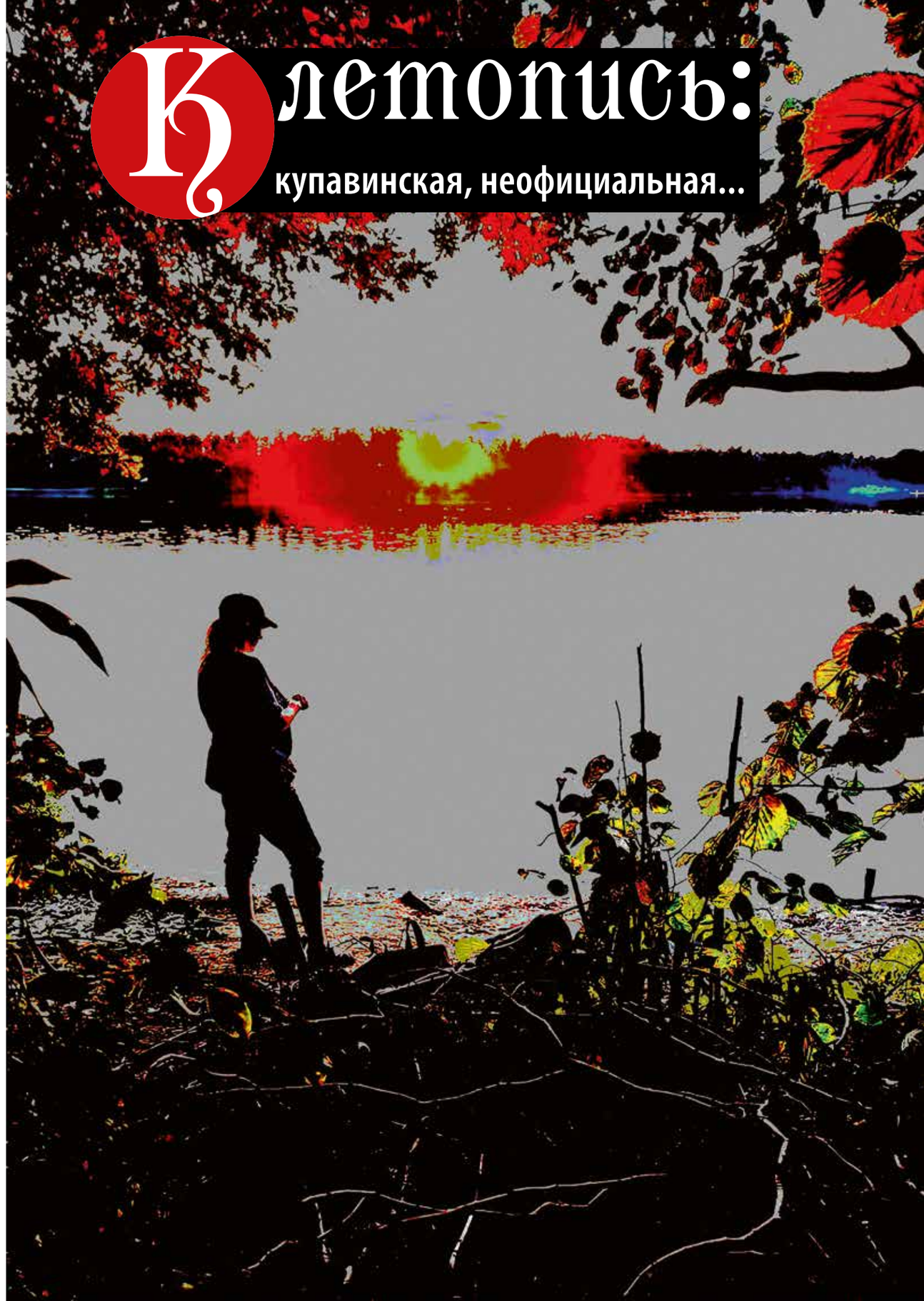
«В темном углу,
На стуле скрипучем
Тихо уселась я.
Взрослые едят и пьют
На развалинах-креслах,
Мне ничего не дают.
Так же, как Николай,
Не бывала еще в Купавне.
Летом только проездом,
Когда спешила в Казань.
На вечере сборник вручили
"Чистая тетрадь",
Там деревенское счастье,
Природа и благодать.
В Москве догорают листья.
Идиллии не видать».



Дмитрий Цесельчук,
поэт, поэт-переводчик,
главред альманаха «Словесность»:

«На даче бабочки летают,
Шмели над яблоней висят,
Псы по глухим усадьбам лают,
тут все живут как захотят.
На даче, Боже мой, на даче
по травам шляться босиком,
пока не хлынут строки эти
из головы моей легко…»

Летопись: купавинская, неофициальная...



Татьяна Пацаева

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Татьяна Пацаева, ученый-физик, поэт. Окончила МГУ, публиковалась в научных журналах и литературных изданиях. Автор нескольких поэтических книг («Тропы йоги», «Флигель»), стихи из которых включены в словарь «Славянская мифология». Член Союза литераторов РФ: *«Поэзия и наука похожи тем, что подразумевают первооткрывательство. В поэзии душа познает и открывает миру саму себя, являясь одновременно и объектом, и инструментом. Хрупким и сложным».*

Мы жили на даче в период удачи

Мы жили на даче в период удачи,
так мало что зная, так много что знача.
Жужжали за жизнь, жарко, жадно, не жаля,
лежали, дружили и не уезжали.

А пчелы тонули на блюдце, где мед.
Никто и не верил, что это пройдет.
Мы верили жадно, мы верили страстно,
что жизнь бесконечна, добра и прекрасна.

Сегодня я слушала спелые травы,
и травы сказали, что мы были правы.

На даче
Мягко шины машин прошуршали о щебень
это гости уехали в черный бархат весны
я устроилась в кресле и вынула гребень
погружаясь в усталость и в уют тишины.

Прошлое с будущим пошептались и скрылись
время замерло в позе удобно простой
тень стеклянных бокалов прозрачно ложилась
на белевшую скатерть возле ветки густой.

Дачный дождь
Дождливая оторванность
дождливый взгляд на жизнь
дождливые аллюзии
на бочке — мокрый слиз'нь.
Нет никакой поэзии
в томительном дожде
там плачут небожители
в печали и вражде.
Какая ж это музыка?
Депрессия дождя.
Бездарная репрессия
небесного вождя.

Немного о Купавне и ее обитателях

Из ПОСЛЕСЛОВИЯ к книге стихов Дмитрия Цесельчука «Купавна — чистая тетрадь…»

Субботнее застолье с литераторами

«Купавна — пышная, гордая красава».
(Из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля)

Купавна — 13-я станция на знаменитом, благодаря Венедикту Ерофееву, железнодорожном отрезке «Москва — Петушки». Начинается он от Курского вокзала и длится благодатной творческой прямой нижегородского направления. Сочинялись и сочиняются на этом направлении стихи и проза, пьесы и философские эссе. Объявлялись и объявляются литературные герои, в том числе и с трагическими наклонностями. Как, например, Анна Каренина, бросившаяся под поезд на станции Обираловка (ныне Железнодорожная).

Земельный надел в Купавне Цесельчуки получили сразу после Великой Отечественной, построили на нем летний домик. Возделывали землю, а после трудов праведных любили преферанс, играли в него теплыми летними вечерами под кронами тянувшихся ввысь берез и подрастающих плодовых кустарников и деревьев.

Бабушка Серафима Яковлевна и дедушка Николай Игнатьевич были большевиками. Бабушка прошла в 20-е годы с продотрядами чуть ли не всю Россию, работала с Н.К. Крупской в Наркомпросе.

Дедушку в конце 30-х заподозрили в шпионаже в пользу Польши (благодаря звучной польской фамилии), но ареста он сумел избежать. Вскоре началась война с фашистами, ушел добровольцем, пожертвовав фронту самое дорогое, что у него было, — велосипед. Попал в плен, оказался в Освенциме, где, как член подпольной парторганизации, встречался с легендарным генералом Карбышевым. Бежал из лагеря и на стороне повстанцев участвовал в освобождении Праги, но после Победы, как бывший военнопленный офицер, попал в гулаговский лагерь под Тайшетом. Слава Богу, вернулся домой живым. Два лагеря многовато для одной человеческой жизни. Но вернулся и сажал цветы на любимой клумбе в Купавне.

Отец, Юрий Николаевич Цесельчук, прошел по дорогам войны командиром танковой роты Войска Польского. В мирные годы преподавал на географическом факультете МГУ, исследовал подмосковные, и не только, ландшафты, став одним из авторов научного труда «Ландшафты Московской области и их современное состояние». Экспедиции забирали все летние месяцы, поэтому в Купавне появлялся нечасто, предоставляя жене забо-

Писатель Юрий Мамлеев с женой Марией в гостях у Дмитрия Цесельчука в Купавне

титься о земле и доме. Кира Сергеевна Цесельчук, урожденная Некрасова, из дворян. Работала после окончания МВТУ им. Н.Э. Баумана на «оборонку» и «космос» в засекреченном «почтовом ящике» по тому же горьковскому, а точнее — нижегородскому направлению. После работы летом спешила на дачу, в Купавну. Ее родная сестра, Татьяна Сергеевна Некрасова, закончив специальные курсы, умело используя удобрения и полив, получила особый, вкуснейший сорт помидоров, вырастив их на одной из 12 песчаных купавинских соток.

Жаркие летние дни дачники старались проводить на Бисеровом озере, до которого езды на велосипедах не более 10 минут. Поплавать, позагорать всегда приятно, однако сам воздух в Купавне источает литературные флюиды.

Запомнилось, как Стасис Йонаускас в своих широченных крестьянских трусах решил искупаться в Бисеровом озере, но к нему вдруг «пришло» стихотворение, он, забыв окунуться, так и простоял минут двадцать по колено в воде, а потом заторопился на берег, чтобы записать полученное на купавинской земле послание из высших поэтических сфер.

С Петерисом Зирнитисом приключилась другая история. По Купавне пронесся ураган, и с крыши дома, где он трудился над рукописью, с жутким грохотом сорвало залитый бетоном шиферный конек.

— Останусь в этом мавзолее навсегда, — промелькнула мысль, но все обошлось, и вышла очередная книга стихов, которую Дмитрий Цесельчук перевел с латышского на русский. Как, впрочем, и книги приезжавших в Купавну Модриса Аузиньша и Эвы Мартужи.

Приезжали и приезжают в Купавну поэты: здесь читали свои стихи Олег Л. Богданов, Лидия Григорьева и Равиль Бухараев, Гарий Гордон и Юлия Сульповар, Алексеи — Бертников и Королев, Владимир Друк и Эдуард Прониловер, Владимир Бережков и Евгений Даенин, Ирина Кронгауз и Арсен Мелитонян, Юрий Бочков и Ольга Бибикова, Эвелина Ракитская и Геннадий Готовцев, Борис и Валерий Шапиро, Татьяна Пацаева, студийцы из ЛИТО «Бригантина»: Марины — Лебединская и Межиева, Леонид Коган и Галина Якимова, Дмитрий Курилов и Татьяна Горохова, посещают творческую обитель друзья по «Спектру» — Марина Михеева-Персикова, Александр Петрович-Сыров и Владимир Рубцов, прозаики Владимир Фирстов и Римма Вечерина, фотохудожник Евгений Надалинский.

Из побывавших здесь «музыкальных людей» нельзя не упомянуть автора 13 книг: о Ростроповиче, Шостаковиче, Спивакове и других — известнейшего музыкального критика Тамару Грум-Гржимайло; основателя рок-группы «Оптимальный вариант», не только музыканта и радиожурналиста, но и поэта, и прозаика Олега Чилапа с женой Ларой Садовской, тоже литератором.

О судьбах России спорили здесь тележурналист Сергей Алимарин, философ Игорь Чубайс, политолог Игорь Харичев (автор книги «Кремлевские призраки», Харичев привозил для поддержки бойцовского кролика Кузю и очередную порцию своих саркастически-философских наивных вопросов и усеченных фраз — «куциков»).

Летом 2004-го в Купавне гостил парижанин и одновременно москвич, лауреат международной Пушкинской премии и премии Андрея Белого, всемирно известный прозаик Юрий Мамлеев с женой и спутницей жизни — Машей.

Десятилетиями соблюдается традиция обязательных для гостей состязаний по настольному теннису: играли с хозяином и друг с другом в пинг-понг патриарх русской переводческой школы Элизбар Георгиевич Ананиашвили, поэт и скульптор Игорь Иогансон, исследователь творчества Андрея Белого Сергей Воронин. Он, кстати, выступал в краеведческом музее городе Железнодорожном в год 125-летия Андрея Белого. Жизнь поэта Серебряного века, как и жизнь известнейших купцов-меценатов Рябушинских, была связана тоже с нижегородским направлением, — они жили на даче в Кучино.

Купавинские летописцы
Фото из личного архива

Из семейного архива Дмитрия Цесельчука

Дом на улице Октябрьская, 25 (1958 г.)

«Вырвавшиеся из "дела всей жизни" родители в заезд к "сЫночке" в Купавну»

«Баба Надя — мать моей мамы и я на внутреннем крыльце купавинского дома»

«Слева направо: мой дед Николай Игнатьевич, бабушка Серафима Яковлевна Цесельчуки и дальняя родня»

«Баба Шура в саду»

Члены ЛИТО «Спектр», слева направо: Дмитрий Цесельчук, Наталья Сидорина, Геннадий Вальдберг, гребет — Владимир Рубцов

«Песнь не вмещает соловья...»

О летних чтениях Союза литераторов

По участку, напоминающему смешанный лес, вальяжно расхаживают кошки, поглядывая на непонятных существ, почему-то разговаривающих стихами: это отец-основатель Союза литераторов России, поэт и переводчик Дмитрий Цесельчук вместе с Ниной Давыдовой, женой, радиожурналистом и москвоведом, открыли очередные ежегодные летние Поэтические чтения в Купавне.

Союз литераторов, четверть века назад присоединившись к Всемирным поэтическим чтениям ЮНЕСКО, представлял творчество своих членов на самых разнообразных площадках, на одну сцену с прославленными Юрием Мамлеевым и Ильей Резником выходили молодые авторы.

После грандиозного зала «Яблоко», где по приглашению Зураба Церетели руководство Союза презентовало альманах «Словесность», — светлая дачная веранда, за длинным столом звучат стихотворные строки, а на скатерти красуются подлинные, не скульптурные, а купавинские яблоки, нагретые летним солнцем.

Среди постоянных участников этих встреч — ведущий радиостанции «Комсомольская правда», поэт и музыкант Олег Чилап, возглавляющий секцию «Авторский рок» СЛ РФ. В одной из книг, выпущенной в Союзе литераторов, он предложил собственные версии переводов текстов песен из культового «космического» альбома «Темная сторона Луны» группы «Пинк Флойд».

Приезжал на литсезоны и председатель секции авторов песен, безвременно ушедший поэт Дмитрий Курилов, один из авторов сценария сериала «Адъютанты любви». Он был не только талантливым бардом и прозаиком, но и ученым-филологом, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Авторская песня как жанр русской поэзии советской эпохи». Дима жарил необыкновенно аппетитные шашлыки, мгновенно исчезавшие с тарелок гостей-стихотворцев. Песня Курилова «Провинциальные поэты» стала своеобразным гимном Союза литераторов:

Провинциальные поэты
С чертами крупными бомжей —
Давно испиты и испеты,

Дмитрий Курилов готовится к выступлению

На литературных чтениях

Давно истоптаны штиблеты —
Однако все еще согреты
Заветной песенкой своей.
Из паутины рвется сердце
На волю вольную — в запой.
И что там Вертер или Герцен.
Но одиноки наши звуки —
Пред их трагической судьбой
Должна вся жизнь пройти сперва,
Чтоб выкрикнуть из смертной скуки
Свои банальные слова:
«Покуда не накрыла вьюга,
не взвыла смертная гроза,
ищите ощупью друг друга —
глаза в глаза, глаза в глаза...»

Высокий седовласый мужчина, отставив бокал с вином, вещает новости криминальной хроники: «Трагедия на бытовой почве разыгралась в поселке Большие Балды. Гражданин Худоедов спустя тридцать лет семейной жизни убил жену книгой “О вкусной и здоровой пище”, после того как ознакомился с ее содержанием». Это — Александр Петрович-Сыров, руководитель секции «ОстроУмная литература».

Вместе с Дмитрием Цесельчуком в 1970-е годы он входил в литературно-художественную группу «Спектр», известную почти как легендарный «СМОГ» (Самое Молодое Общество Гениев).

СМОГистов на «Летних Чтениях» представлял Аркадий Пахомов, традиционно сражавшийся с хозяином купавинского мини-ЦДЛа в настольный теннис перед литературными выступлениями.

Наталью Рожкову, возглавлявшую секцию поэзии СЛ, обычно приходилось призывать оторваться от сбора трав в лекарственных и косметических целях, чтобы почитать стихи.

До бесконечности хотелось слушать прозаика и мемуариста Наталью Шмелькову, именно ее, чуткую и доброжелательную собеседницу, выбрали в друзья гений живописи Анатолий Зверев и нетленный Веничка Ерофеев. (Кстати, Купавна — одна из точек на маршруте «Москва — Петушки», что доказывает литературность места.)

А в завершение встреч в теплоте летнего вечера звучали строки Дмитрия Цесельчука:

...Видны следы дождя везде,
и вытереть — не хватит тряпки,
песнь не вмещает соловья,
нацеливаю строчек рожки.
Улитка ищет: где же я
застыл, огромный на дорожке…

Обо всех участниках летних чтений рассказать нереально, многих уже нет с нами, но они остались в благодарной памяти и на страницах литературного альманаха «Словесность».

Однажды на литературной встрече в купавинской библиотеке имени Андрея Белого главный редактор газеты «МОЛ» Нина Давыдова рассказывала юным читателям, как создаются книги. Увидев на обложке литературного альманаха «Словесность» фотографию челябинского метеорита, один мальчик поделился своим воспоминанием, что видел, как это небесное тело летело в сторону Челябинска… над Купавной. И как не поверить?

Елизавета Терпиловская
Фото из личного архива

Надежда Ажгихина

Надежда Ажгихина, журналистка, прозаик, сценаристка, секретарь Союза писателей Москвы, член Союза российских писателей, участница творческих российских и международных инициатив… Автор пяти книг прозы, сборников публицистики, сценариев документальных фильмов. Отмечена призами фестивалей и ярмарок, профессиональными наградами: «*...Всемирная отзывчивость Купавны, над которой витают тени великих предков ее обитателей, — коренная примета…Тут живут и сюда приезжают удивительные люди — романтики и прагматики, воители за правду и отставные разведчики, красавицы и чудовища…, если бы Купавны не существовало, ее стоило бы придумать...*»

«Уютный вечер»: недописанная страница

В Купавну любили приезжать самые разные люди. С раннего детства, сколько себя помню, здесь гостили, иногда подолгу, многочисленные бабушкины родственники, разбросанные по всему СССР, друзья моего дяди из Якутии, папины племянницы, одноклассники, вроде капитана дальнего плавания или ветерана КГБ — автора популярных книг и сценариев. Потом приезжали мои однокурсники, товарищи моего мужа, артисты Центрального детского и других театров, кого тут только не было…

К соседям и друзьям детства, впрочем, тоже активно приезжал народ. Что-то было в воздухе поселка завораживающее, умиротворяющее, что ли, как будто открывающее новые чакры и дарящее новую пищу воображению и сердцу. Многие, даже очень ненадолго и случайно здесь оказавшиеся, стремились вернуться, продолжить поздние посиделки, долгие прогулки по лесу, застолья и бесконечные разговоры, в которых рождались новые замыслы, невероятные планы, фантастические идеи...

«На фотографии — мы с Галушкиным, Коняшовым и моим сыном Димой, кажется, это канун моего дня рождения...»

Одним из таких проектов стал рукописный, естественно, неподцензурный журнал «Уютный вечер», который с однокурсниками Сашей Галушкиным и Сашей Коняшовым мы придумали в 1978 году. С Галушкиным познакомились еще в ШЮЖ, школе юного журналиста при журфаке, одновременно печатались — я в «Комсомолке», он в «Московском комсомольце», вместе поступали. Саша Галушкин в первую же неделю учебы подружился с Сашей Коняшовым, чья мама, работая в Книжной палате, знала СМОГовцев и многих других литераторов. Я после вступительных экзаменов сразу подружилась со Светой Свистуновой, к тому же мы оказались в одной группе.

Вместе с обоими Сашами, Димой Пыжовым — одноклассником Галушкина, Светой Свистуновой мы составили костяк нашей студенческой купавинской группы, к которой периодически примыкали и другие персонажи. Здесь мы отмечали тот самый 1978-й, самый холодный в истории Подмосковья Новый год, дни рождения, каникулы и просто выходные.

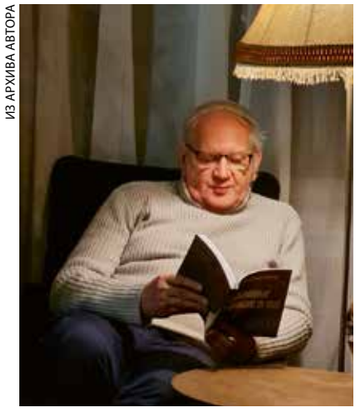
Идея журнала возникла именно в Купавне. Назвать решили — в честь стихотворения Теофиля Готье «Уютный вечер», подчеркнув абсолютную аполитичность и «отдыхательность» нашего предприятия. В редакционную коллегию входили трое: Коняшов — художник и ответственный за стихотворную составляющую, Галушкин — проза и литературоведение, я — проза и эссеистика. Выпустили три номера — в трех экземплярах, каждому из нас. Печатали на машинке, сами сшивали. Саша Коняшов рисовал иллюстрации к каждому номеру набело. Мы думали, три экземпляра — ведь еще не самиздат? Конечно, это был самиздат. Саша Галушкин, когда уже стал известным филологом, руководителем серии «Литературные памятники» ИМЛИ, успел отправить свои номера в Библиотеку Конгресса США, как образец студенческой независимой журналистики поздней советской эпохи. Надеюсь, когда-нибудь смогу заказать их копии. Конечно, наш журнал был экзотическим цветком в «парке Засурского периода», как потом назовут нашу главную кузницу идеологических кадров. Нам было весело его придумывать и выпускать... И Купавна стала местом заседаний нашей редакции, летучек в горячих спорах.

К сожалению, наши с Коняшовым экземпляры не сохранились. Жизнь нас разметала, подчас не встречались по нескольку лет, но все же не терялись. Александр Галушкин стал последним литературным секретарем Виктора Шкловского и подготовил великолепную книгу «Гамбургский счет», много лет собирая по крупицам литературную историю России 1920–1930-х годов. Одно время Саши вместе издавали прекрасный историко-литературный журнал «Де визу». Александр Коняшов писал стихи под псевдонимом Александр Розенштром, потом пошел на телевидение, где придумал программы «Дог-шоу», «Записки натуралиста», снимал документальные фильмы о писателях русского зарубежья. В одной из рабочих поездок он заснул и не проснулся. Ему было 53 года. Саша Галушкин пережил Сашу Коняшова всего на четыре месяца.

Перед самым ковидом Света Свистунова, разбирая старые бумаги, нашла пару черновиков рассказов из «Уютного вечера» и передала мне.

Фото из личного архива

Андрей Красильников


ИЗ АРХИВА АВТОРА

Андрей Красильников, автор пьес, сценариев, романов, рассказов, научных монографий по истории, генеалогии и библиографии. Один из родоначальников жанра вербатим в отечественной драматургии. Лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Долг. Честь. Достоинство» 2002 года, председатель совета Купавинского бадминтонклуба с 1972 года, судья всесоюзной категории с 1978 года.

В ШЕСТИДЕСЯТЫЙ РАЗ

Этим летом на кортах Купавинского бадминтонклуба ожидается волнующее событие — в шестидесятый раз должен пройти открытый традиционный ежегодный турнир для всех желающих, проводимый с 1967 года. Именно тогда первые энтузиасты-тинейджеры разметили площадку в парке на улице Ленина, поставили сетку и позвали померяться силами любителей покидать на улице волан. Откликнулись в тот год немногие, но лиха беда начало.

ЛАРИСА ШАМИКОВА

Пятью годами позже возник самодеятельный клуб на базе уже двух кортов, и на них разыграли кубок, учрежденный исполкомом поссовета для уличных команд. В решающей игре ребята с улицы Ленина победили соседей с Парковой улицы и завоевали трофей. Осенью 1972 года Купавинский бадминтонклуб был официально утвержден решением спорткомитета города Железнодорожного (куда входил дачный поселок Купавна), а лучшим игрокам и судьям присвоили спортивные разряды и судейские категории.

Летом следующего 1973 года кортов стало уже три, а число участников седьмого традиционного турнира приблизилось к полусотне. Тогда же команда клуба дебютировала в первенстве Московской области. Постепенно к купавинским бадминтонистам стали приходить победы на областной и даже всероссийской аренах, а о клубе как об уникальном примере организации спортивно-массовой работы силами добровольцев стали писать газеты и журналы. На семнадцатый по счету турнир пожаловало само Центральное телевидение, и вся страна смотрела репортаж Анны Дмитриевой из Купавны в программе «Спорт за неделю».

В 1986 году Московский обком КПСС дал указание выделить средства на благоустройство купавинских кортов и уложить на них искусственное покрытие. Два года заняли различные согласования, выбор заказчика и подрядчика, составление сметы и технического задания. В это время экономическая жизнь страны активно перестраивалась и поворачивалась лицом к людям, к их повседневным нуждам. Заметно упростились и законы, регулирующие финансовую деятельность.

Все это позволило клубу самому стать заказчиком строительства, получив предварительно права юридического лица, возможность иметь собственный баланс и самому распоряжаться своими финансами, имея счет в банке. На него и перечислили деньги для благоустройства бадминтонных площадок. Чтобы накапливать средства на последующее их содержание, планировалось разметить поперек теннисный корт и выпустить платные абонементы на их посещение в дневное время, когда ветер не позволяет играть в бадминтон. Но теннисный мяч не волан: улетит или укатится в парк, что и не найдешь. Пришлось проектировать также сетчатое заграждение вокруг площадок.

ЛАРИСА ШАМИКОВА

Что тут началось! Родители членов клуба, услышав от своих детей о новых планах, подняли на ноги весь поселок: мол, хотят парк перегородить, за деньги туда пускать, а там, глядишь, вся Москва понаедет, и нашим ничего не достанется.

Шел восемьдесят восьмой год. В стране расцветал коллективный эгоизм, когда под предлогом торжества демократии толпы людей выходили препятствовать всему, что казалось лично им ненужным. Альтернативное мнение их не интересовало. Особый упор делался на экологию. В Москве не давали строить новый зоопарк в Битцевском парке и прокладывать туннель под Яузой для Третьего транспортного кольца. В Купавне решили помешать благоустройству спортивных кортов. В итоге пришлось забыть о теннисе и вместо резинового покрытия ограничиться укладкой грунтовой спецсмеси.

На уже изрядно поизносившихся четырех площадках Купавинский бадминтонклуб продолжает свою деятельность по сей день, вовлекая новые поколения. Спортсмены, обученные в нем азам игры, побеждают на различных аренах, включая международные. В 2020 году Алексей Заев, сын и внук первых членов клуба, стал вице-чемпионом Европы среди юношей. Анастасия и Дмитрий Балаба-

ЛАРИСА ШАМИКОВА

новы, внучка и внук одних из основоположников организации, внесли решающий вклад в победу купавинской команды на областном первенстве среди школьников «Проба пера». Есть и пример, когда в традиционных ежегодных соревнованиях побеждают представители четвертого поколения семьи, старший член которой участвовал еще в самом первом турнире.

К слову, сами турниры значительно изменились. Они состоят из ряда самостоятельных состязаний в различных номинациях. Участников распределяют по полу и возрасту, а в парных играх первенство разыгрывается даже в таких экзотических комбинациях, как бабушка с внуком или внучкой. В этом и заключается основная купавинская особенность: как нигде в другом месте, здесь торжествует олимпийский принцип — главное не победа, а участие. И только на купавинских кортах можно увидеть соперничество пяти-шестилетних игроков: обычно спортивные соревнования в такой возрастной группе не проводятся.

И в состоявшемся нынешним летом 60-м юбилейном турнире состязались шестилетки. Чемпионом стал Саша Кошелев. Игры прошли на редкость успешно. В них приняло рекордное число участников — 68, а победителям впервые вручались медали и кубки. По две награды высшего достоинства получили Михаил Куприянов и 10-летний Илья Рибников, являющийся сейчас сильнейшим в России в своём возрасте. Но больше всех — четырежды — первенствовала Мария Песоцкая. Всего соревнования прошли в двадцати одной номинации, в том числе в различных семейных парах: от братьев, чей суммарных возраст не превышал 18 лет, до бабушек с внучками.

Следующий турнир будет посвящён 80-летию Купавны.

Фото из книги «Купавинский бадминтонклуб: история и предыстория»

Десятиклассница Света Карпова 55 лет назад приехала в Купавну в гости к подруге. И сразу окунулась в бурную жизнь местных сообществ Метельского королевства, Чиполии, Хмырского Бахрейна — виртуальную реальность, насыщенную приключениями и творческим многообразием, параллельную дачной обыденности. История сказочных «монархий» напоминала увлекательный сериал, создаваемый участниками в дни школьных и институтских каникул на бадминтонном корте, велосипедных и пеших прогулках, на берегу Бисерова озера и домашней террасе Андрея, по титулу принца Паши, властителя Метельского королевства. Вскоре Светлана стала королевой Асей.

Надежда Ажгихина

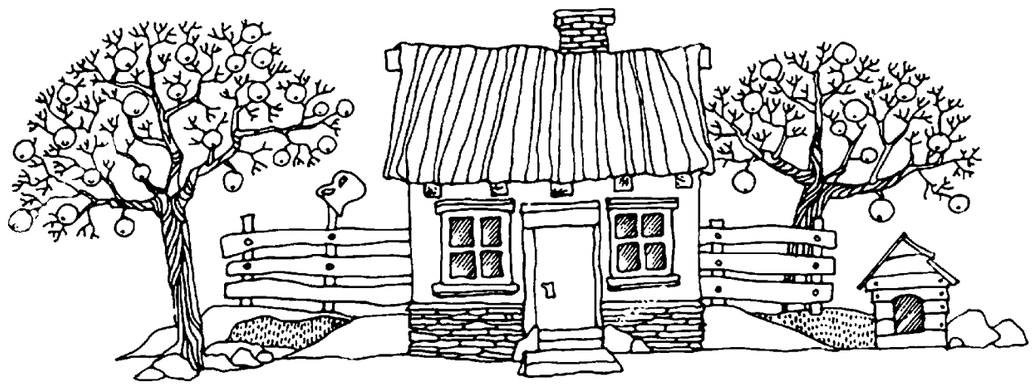
Хроника: семейная, параллельная...

Тамара Клейман

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Тамара Клейман — журналист, поэт, писатель. Автор семи сборников афоризмов. Основатель Клуба сатириков и юмористов «Чертова дюжина», член Союза литераторов России. Лауреат премии «Золотой теленок» Клуба «12 стульев» «Литературной газеты»:
«Дачи у меня нет. Мы когда-то жили в частном доме, там прошло мое детство, и у нас был немаленький по размерам огород. Прополка, полив, подвязывание помидоров, вода из колодца — все это мы проходили. Поэтому, когда у папы на работе раздавали участки под дачи, и встал вопрос: брать или не брать, мы со старшей сестрой хором заявили: нет! Больше вопрос о даче в моей жизни не появлялся...»

«О, дача, колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
А я, и это не секрет,
Люблю тебя? Конечно, НЕТ!
В порыве страсти и надрыва,
Сжимая грабли в пятерне,
Тружусь опять на дачной ниве,
Во вред здоровью и спине».



Афоризмы
Чтобы уйти на вольные хлеба, надо уметь пахать.
Удача окрыляет только умеющих летать.
Любимые вдохновляют, любящие — кормят.

Настоящая охота начинается тогда, когда встречаются два охотника: мужчина и женщина.
Не трогайте женщину, если она вас не задевает.
Одни женщины трогают сердце, другие застревают в печенках.
Если мужчина под каблуком, это еще не значит, что женщина на высоте.
Если старая любовь не ржавеет, отчего же она начинает скрипеть?
Декольте — это еще одна форма сохранения материи.

Женщина любит ушами, а уши любят бриллианты.
Только начинаешь влюбляться, как уже пора домой.
Мужчины приходят и уходят, а некоторые еще и остаются.
Руки вверх… Единогласно!!!

Ольга Харламова

Ольга Харламова – поэт, прозаик, переводчик, публицист, член Союза Российских писателей, Союза писателей Москвы, Союза писателей-переводчиков, Союза журналистов России. Автор 19-ти книг стихов и прозы. Лауреат Литературной премии им. В.Пикуля, всероссийских и международных поэтических конкурсов и фестивалей: *«Я родилась в послевоенной Москве в семье лётчика и врача. Детство и юность прошли на Преображенке, затем в Останкино, весь летний период – в Подмосковье, где наша семья снимала дачу. В школьные годы занималась музыкой, хореографией, посещала театральную студию, училась в художественном классе, в ученическую тетрадку записывала стихи собственного сочинения, которые называла песнями. В Московский финансовый институт поступила потому лишь, что он был рядом с домом, но по окончании поняла, что экономика не моё предназначение. И только приобретя профессию экскурсовода, почувствовала себя в какой-то степени реализованной. А дальше события развивались так стремительно, что, не успев оглянуться, я вступила совершенно в другую жизнь, которая уже много лет идёт своим чередом…и она мне нравится!»*

РОДОМ ИЗ КУПАВНЫ

В имой 2020 года я впервые получила приглашение от Надежды Ажгихиной — известной журналистки и писательницы — приехать на Рождество в Купавну, чтобы принять участие в литературных чтениях, которые она несколько лет проводит у себя на даче. И обрадовалась очень.

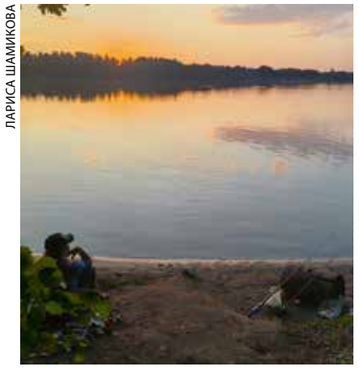
Не только хотела быть в обществе интересных литераторов, но и потому, что с этим местом, расположенным в 35 километрах от Москвы по железной дороге Горьковского направления, у меня существует давняя связь. Ее не объяснить просто воспоминаниями, скорее чем-то глубинным, произрастающим во мне самой.

Произношу слово «купавна», и возникает заросший камышами пруд с плавающими на его поверхности, даже на вид жесткими, темно-зелеными листьями-блюдцами, на которых, как фарфоровые, желтые чашечки цветов — купавок. Просто так они в руки не даются, надо зайти по пояс в воду, может, где и с головой окунуться.

Однажды, чуть не утонув, я набрала охапку мокрых, на длинных стеблях вожделенных купавок. Несколько раз оскальзываясь и плюхаясь обратно во взбаламученную воду, выкарабкалась на берег, не выпуская из рук добычи; принесла домой, намереваясь поставить в любимую вазу, и чуть не расплакалась — вместо тугих ножек с яркими головками я держала влажные, пахнущие тиной распластанные стебли вперемежку с тусклыми лепестками.

Цветы умерли, лишенные привычной среды, и теперь уже не могли быть окружением королевы Купавны — красавицы, являющейся из глубины пруда при луне, чтобы вдохнуть ноч-

ной воздух и увидеть звездное небо. Она иногда гостит в маленьком прудике — бочаге, спрятавшемся в кустах малины на задворках участка съемной дачи на станции Черное, где летом отдыхает наша семья. А место постоянного обитания — Бисерово озеро в соседней Купавне, дорога туда на машине занимает меньше часа. Мы иногда совершаем такие поездки в магазин и на базар за продуктами, но чаще только на озеро — купаться.


ЛАРИСА ШАМИКОВА

В маленький «Москвич» нас набивается семь человек: мама и я, тетя — родная сестра мамы с дочкой, моя крестная с сынишкой и, конечно, сам водитель, муж тети — лауреат Сталинской премии, мастер цеха автозавода ЗИЛ. Он к тому же страстный автолюбитель и души не чает в своем «москвичонке». Набрав еды и питья, мы выезжаем до полудня и возвращаемся, когда в комнате бабушки уже горит свет.

Купание в Бисеровом озере — праздник! Вода чистая, прохладная — несколько ключей бьет со дна. Кое-где в ряске плавают желтые цветки, почти такие же, как в нашем бочаге, но почему-то тамошние жители их называют кувшинками. Я представляю, как в полнолуние из озера выходит королева Купавна в белых одеждах, расшитых тем самым бисером, что якобы выронила в воду императрица Екатерина Вторая.

Омытая водой, прогретая солнцем и убаюканная на маминых руках в машине — я, после вечернего чая, крепко сплю до самого утра, а проснувшись, мечтаю о путешествии в Купавну в следующее воскресенье.

На неделе нам тоже скучать не придется. Будем ходить в ближний лес по грибы-ягоды и на речку Черная, вьющуюся за деревней, — узкая, мелкая, илистая, с темной, но чистой водой. В речке нас моют обыкновенным хозяйственным мылом, в целях дезинфекции с головы до ног, дают поплескаться и учат плавать. Мама говорит, что имеет разряд в этом виде спорта, на мой вопрос: «Где он?» смеется и отвечает, что всегда при ней, но я сколько ни смотрю, его не вижу. Вдруг у меня не все в порядке со зрением, однако на всякий случай промолчу, ведь в нашей семье все должны быть здоровы, потому что моя мама — врач-хирург, и я этим горжусь.

Лето стоит жаркое, иногда на открытой террасе нечем дышать — горят торфяники, в округе сплошь торфяные болота. Здесь встречается необычный черный песок, мелкий как пыль. Много его лежит на главной дороге деревни Черное. Когда проходит очередная машина, за ней поднимается облако пыли. Клубясь, легкая и шелковистая, она оседает, создавая мягкую подушку, куда мы, дети, бросаемся, чтобы искупаться, как воробышки.

Такое купание нам строго-настрого запрещают взрослые: видимо, они просто не понимают его прелести, а на наши уговоры хоть разочек самим попробовать отказываются наотрез. Что поделаешь, приходится получать запретное удовольствие втихаря, изобретая всевозможные уловки.

Как-то в конце лета, когда наши уже разъехались, а мы с бабушкой задержались на несколько дней, я, незаметно улизнув из дома, присоединилась к окрестным ребятишкам — хотелось искупаться напоследок в пыли посреди дороги. Дома в Москве меня ждет новенькая парадная форма первоклассницы, а сейчас на даче в коротком ситцевом платьице, босиком, как все, я в нетерпении ожидаю подходящей машины.

При виде большого самосвала мы привычно беремся за руки и растягиваемся поперек проезжей части, чтобы в один момент перед самой кабиной, разорвав цепочку, пропустив мощные борта кузова, броситься сразу с двух сторон в поднявшуюся пыль и несколько мгновений барахтаться в ее подушках.

Напряженно отслеживая приближение машины с водителем, грозящим нам кулаком из открытого окна, я успела заметить справа на обочине замершего подростка-велосипедиста в ковбойке. Он стоял, в ужасе вцепившись в руль, спешившись одной ногой с завернутой до колена штаниной.

Все обошлось благополучно и на этот раз. Мы, довольные, разбежались по домам. Прямо напротив своей калитки я перепрыгнула четко отпечатанный на примятой пыли след шины, оставленный велосипедом мальчика… с кем мне впоследствии довелось познакомиться.

Он оказался родом из Купавны.

Фото из личного архива

Андрей Ваганов

Андрей Ваганов: *«Я родился в г. Перово Московской области. Так записано в моем «историческом» свидетельстве о рождении, хотя в том же году г. Перово был присоединен к Москве. Помню деревянный трехэтажный роддом рядом со станцией Чухлинка. Московский энергетический институт, после которого семь лет отработал по специальности инженер-технолог. Школа-студия научной журналистики при журнале "Химия и жизнь", "Инженерная газета", "Независимая газета" — в ней тружусь и сейчас. Болею за московский "Спартак" и лондонский "Челси". Собираю марки, связанные с именем Исаака Ньютона, первые номера журналов (например, экземпляры XIX века). Автор нескольких книг. Самая свежая — "Анатомия чтения". Есть кое-какие профессиональные награды. Член Московского союза литераторов. Как-то так…»*

ОСЕННИЙ ПИКНИК НА ОЗЕРЕ ЛЕДНИКОВОГО ПЕРИОДА

ФП-4-78

Сегодня это назвали бы team building, что в переводе с английского — сплочение команды. А тогда, в золотом октябре 1980 года, мероприятие называлось проще — «поездка на шашлыки». Мы, студенты третьего курса факультета «Промышленная теплоэнергетика» (ПТЭФ) Московского энергетического института, решили отметить начало нового учебного года на природе. Почему в октябре? Потому что в сентябре занятий не было — студенты убирали картошку, забытую на подмосковных полях.

Надо сказать, наша группа была своеобразной, набранной только после второго курса. Кто-то перевелся после учебы на разных факультетах МЭИ, кто-то пришел из других институтов, даже МИФИ. Например, я был с вечернего отделения МЭИ. В общем, «сборная солянка» из 11 человек. Неслучайно аббревиатура «ПТЭФ» в шутку расшифровывалась «завистниками» с теплоэнергетического факультета (ТЭФ) как «ПолуТЭФ». Впрочем, мы относились к такой интерпретации с иронией.

На платформе ж/д станции Купавна

Действительно, у кого еще в дипломе могла появиться запись «Окончил МЭИ по специальности “Машины и аппараты по кондиционированию воздуха”. Присвоена квалификация инженера-теплофизика со специализацией в области кондиционирования электрохимических энергоустановок»? Только у нас, славных парней и девчат из группы ФП-4-78, кстати, парней было всего четверо.

Купавна

Понятно, что при таких вводных — team building был просто необходим. С выбором места долго не колебались: Бисерово озеро —

«Володя аккомпанирует процессу сплочения команды»

После заплыва в Бисеровом

название всплыло как-то сразу и согласовано без промедления. Конечно, тогда мы не задумывались о геологических прелестях реликтового водоема: крупное озеро ледникового происхождения площадью 0,4 км^2, глубиной до 3,8 м. Нас устраивало, что от ж/д станции Купавна до подмосковного уникума пешком — 5–10 минут. Накануне было закуплено мясо, которое девушки из нашей группы замариновали какими-то невероятно вкусными ингредиентами и поместили в бидон. Скоро мы смогли оценить их кулинарные изыски.

«Лена. Леночка…»

Погода была с нами заодно. День выдался кристально-солнечным. Встречались утром на платформе Серп и Молот. 45 минут в электричке под гитару и одобрительные взгляды пассажиров — и уже разбивали стоянку на берегу Бисерова озера. Продышались, прокашлялись. С шумным аппетитом распаковали, разложили, оприходовали привезенные с собой сухие пайки: колбаска двух сортов — ливерная и отдельная, лучок зеленый и репчатый, неизменные яйца вкрутую, картошка в мундире, пирожки — с рисом-яйцом-луком, прихваченный легкой черствостью хлеб «Бородинский». Все — ломтями, все — крупно! Как сейчас помню, круглую, как противопехотная мина, банку атлантической селедочки с «ржавчиной» где-то умудрились достать! Ах, как славно вписывалась в эту естественную экологию пол-литровая «Ржаная» красавица!

Как там, в Бисеровом, водичка?

Дурачились, шутили, гитара переходила по кругу — некоторые из нас умели перебирать струны и брать аккорды. Увы, не я! А тот парень, переведенный из МИФИ. Умница, остроум. Спаситель наш на семинарах по специальным разделам матанализа и на практикумах по электротехнике. Кстати, к пятому курсу Михаил и Люба из нашей группы поженились. Помнится, на свадьбе я произнес тост, что по статистике студенческие браки самые крепкие, надежные. Так и вышло, не сглазил. Сын родился. Сейчас живут в Санкт-Петербурге. А насчет статистики — правда, такая статистика есть. Или, по крайней мере, была тогда. И еще одно «кстати»: Люба была главной по шашлыкам — руками ее и готовились аппетитные мясные заготовки для пикника на Бисеровом озере. В общем, team building.

Почему-то с того дня «на шашлыках в Купавне» запомнилась одна строчка из песенки, с большим чувством исполненной Михаилом: «Выстрел грянул… Дым и пламень. Ничего теперь не жаль: / он лежал к дверям — ногами, элегантный, как рояль…» Вот это — «элегантный, как рояль» — во все одиннадцать молодых глоток тогда подхватывалось с каким-то особым воодушевлением. В какой-то момент с тем же воодушевлением мы с Сашей, балагуром-красавцем-богатырем из русской сказки, загорелись желанием искупаться в реликтовом озере. Ох, если бы мы знали наперед, что погружаемся в воды, берущие начало еще в ледниковом периоде!.. К нашему спасению, на берегу нас встречали теплые дружеские объятья с телогрейками и «наркомовскими ста граммами».

Поедание шашлыков и прочей снеди под смех, шуточки, расспросы — как там, в Бисеровом, водичка? — продолжалось с завидным энтузиазмом и чаем, заваренным в котелке над костром, с дымком, что называется. (À propos. С Александром мне довелось еще раз «мокнуться» в воды другого легендарного озера — Ладожского, самого большого пресного водоема в Европе. Спустя год после пикника в Купавне, на производственной практике на заводе «Ленинская искра» в Ленинграде, когда в один из выходных дней мы отправились с экскурсией на остров Валаам. Что могу сказать? Ладога — холоднее Бисерова, хотя дело было в середине лета.)

Солнце начало заходить над Купавной. Не побоюсь этого слова — счастливые, мы стали сворачиваться. В цивилизацию вернулись благополучно и благодарно, умиротворенно. На следующий день уже началась учеба на «ПолуТЭФе». Слух о пикнике в Купавне, в том числе — о заплыве каких-то сумасшедших в ледниковом озере, распространился по всему факультету и способствовал формированию позитивного имиджа.

Легкая грусть, светлая печаль, зеленая тоска…

Конечно, в жизни мне довелось быть участником приготовления и поедания немалого количества шашлыков — и на природе, и в специально оборудованных заведениях. И много раз шашлык готовили мастера, знавшие в этом толк. Но в памяти остались воспоминания именно о пикнике на берегу Бисерова озера. Тогда мне показалось, что я наконец-то разгадал экзистенциальную загадку, хотя слово «экзистенция» узнал несколько позже…

У замечательного поэта Аркадия Драгомощенко есть такая строчка: «…ибо я человек, и у каждого человека были зубы, мама, будущее». Прорвалось томление духа: а у меня было еще и озеро Бисерово… Главный герой-рассказчик в знаменитом романе Умберто Эко «Имя розы» считал, что «тайное попустительство обольщениям памяти — глупейшая попытка сберечься от бега времени и смерти». Средневековый старик-монах называл это «предосудительною прелестью». Но все-таки — прелестью! Банальность счастья юности начинаешь ценить спустя многие годы. Не зря говорят: юность не ждут, ее только вспоминают. Впрочем, и это — банальность... Но, как заметил Ремарк: что делает ту или иную вещь банальностью? — Несомненная истинность. Вот и я, разбирая и перебирая старый фотоальбом, почти забытый сегодня артефакт и атрибут быта, прошел через все стадии, приготовленные мне Мнемозиной: легкая грусть, светлая печаль, зеленая тоска…

Попытался это состояние зарифмовать, для памяти:

Штопором вывернет душу тоска.
Шпроты вынь, водку на стол поставь.
Сижу на стуле, эдакий вопросительный знак.
Сильно сутулюсь, поясницу сквозняк
поглаживает,
как доярка буренкино вымя.
Поклажа лет растет. Старость ей имя.
Такое дело…И с этим надо смириться.
Справа налево — всплывают лица!

Фото из личного архива

Ирина Баженова

Ирина Александровна Баженова — музыкант и художница, пример человека, активно использующего творчество для поддержания качества и интереса к жизни. Возрастные ухудшения зрения не ограничили, а подтолкнули к созданию картин из шерсти и высушенных цветов сада.

ТАК И ЖИЛИ

Как мы оказались в Купавне? Сначала наша семья жила в закрытой зоне под Москвой в районе Балашихи на территории Всероссийского научно-исследовательского института пожарной обороны, как он теперь называется. В 1937 году, еще до моего рождения, туда направили работать моего папу Александра Петровича Еданова. Потом он ушел на войну, прошел все фронтовые дороги и закончил военную службу в Берлине.

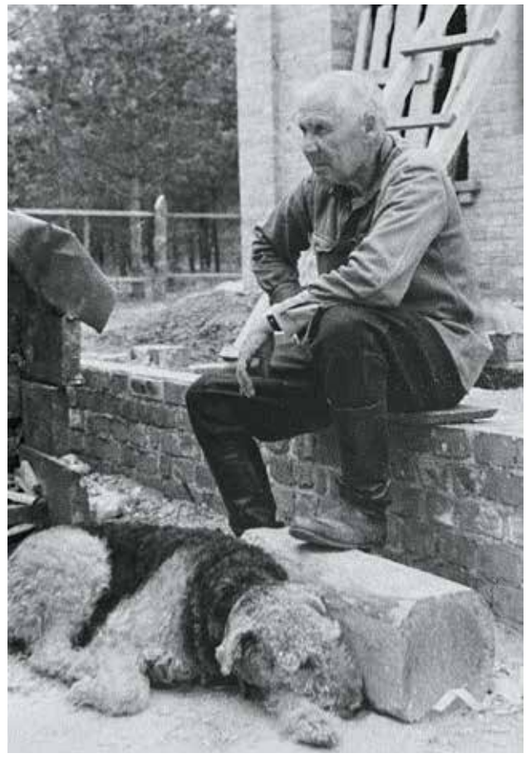
Когда папа вернулся на работу в Институт, мы со старшим братом уже учились в школе. По достижении пенсионного возраста ему предложили должность начальника Мосэнерго в Салтыковке и квартиру в Железнодорожном.

Хотя работы было много, но в свободное время, как очень деятельный человек, папа не мог просто отдыхать. Он хотел построить собственный дом. В военкомате предложили на выбор несколько участков: Кокошкино, Купавну и еще где-то. Объездив все, остановился на Купавне.

Кто же здесь тогда жил?

В начале 40-х в новый подмосковный поселок Купавну начали переселять жителей Хамовников, быстро перестраиваемого района Москвы. После окончания войны, когда на Воробьевых горах началось строительство высотного здания Университета, большую часть населения юго-запада города отправили на постоянное жительство в Купавну. Появились первые улицы Поселковая и Вокзальная. Позже земельные участки стали выделять шарикоподшипниковому заводу. Почти вся улица Горького — оттуда. С давних времен в Купавне за глухими заборами находился военный городок — «моряки». Сколько было у нас радости, когда «гражданским» разрешили ходить за «дефицитными» покупками в «военторговский» магазин.

Сперва папе предложили участок, по которому через лес проходила проселочная дорога в деревню Полтево. Он отказался, как и от земли с порослью молодых деревьев, которые пришлось бы вырубить. Согласился на участок с поляной. Задумав строить дом по собственному индивидуальному проекту, папа целую зиму занимался изучением возможных вариантов. У нас сохранилась его «Книга индивидуального застройщика». Читал, чертил, размерял комнаты, продумывал, сколько и какие нужны, куда будут смотреть окна, чтобы кухня обязательно — на север.



Александр Петрович Еданов

Надо сказать, папа был талантливым инженером-связистом. Изобрел противопожарный аппарат, конструкция которого до сих пор используется, в том числе и в космосе. В его лаборатории в Балашихе были созданы известные многим «говорящие часы». Набираешь по городскому телефону «100» и слышишь точное время. Он рассказывал, трудно было уложить ответ в единый промежуток времени, ведь «три часа одна минута» и «три часа сорок пять минут» — фразы разные по длительности.

В те годы все планы индивидуального строительства официально утверждались в Моссовете. И это была отдельная сложная забота. Например, по санитарным нормам туалет устанавливался в обязательном удалении от дома. После долгих согласований папа добился разрешения на проведение подземной канализации на участке. Комиссии приезжали, смотрели, обмеряли, проверяли. И не сразу, но выдали разрешение на строительство нашего дома. К фронтовикам относились с большим уважением, военкомат помогал строиться, безотказно выделяя машины под завоз кирпича и других стройматериалов.

Стройка нашего дома началась в 1955 году

Каждое лето в Купавну на подработку приезжали бригады рабочих из разных краев. Первыми у нас начали работать каменщики — староверы из Сибири. Когда выкопали фундамент, они говорили, что под каждый столбик надо закладывать по серебряной или бронзовой монетке. Так и сделали. Строители приходили рано утром, мама ставила им старинный самовар, наследие от бабушки, чья семья в XIX веке жила на Арбате. Пили чай с кусковым сахаром, потом работали. Не спеша, каждый кирпич клали очень аккуратно, красиво. На следующий год через зиму работу продолжили плотники. Папа выбрал их, просмотрев работу четырех бригад. Мама готовила им еду на керосинке, газа тогда не было. Поставили крышу. Провели отопление и водоснабжение. Стены еще не оштукатурили, а мы стали жить в собственном доме.

Поначалу папа получал очень хорошую пенсию, когда ее урезали, стройка замедлилась. Всего она шла три-четыре года. Автоматическое включение водяного насоса в доме папа сделал самостоятельно. И окна сам придумал и просчитал. По собственным чертежам разные детали, рамы с фрамугами пронумеровывал и заказывал на деревообрабатывающем комбинате в Железнодорожном. Каждую дощечку обрабатывал, красил. И мне доверял. Так и я руку к строительству дома приложила...

Жизнь была непростая

У нас было три керосинки, на которых готовили. Керогазом не пользовались. Отапливались углем. Машину с углем со склада из Железнодорожного сваливали во дворе, потом сами перегружали в подвал, где стоял чугунный котел. Дважды в день надо было выносить из подвала шлак. Потом один из соседей этим шлаком штукатурил свой дом. Все свои купавинские годы папа активно участвовал в общественной жизни поселка, объединяя жителей, с кем вместе работал. Хорошо помню людей, много сделавших, чтобы жизнь в Купавне стала лучше: председатель поселкового совета Семен Михайлович Файер-

штейн, Александра Петровна Мордвинцева, Семен Михайлович Моисеев, Антонина Николаевна Лещева, Витютнев, Никифоров. Папа возглавлял партийную организацию, члены которой задумали провести в Купавне телефон, водопровод и газ.

Когда мы приехали в Купавну, поликлиника была в маленьком домике в две комнатки, конфискованном у кого-то за незаконное строительство. Папа пригласил архитекторов — сделали большую пристройку для кабинетов процедур, лаборатории, стоматолога, главврача и детского отделения. Весь поселок знал педиатра Валентину Семеновну, медсестер Марию Павловну Переседову и Ирину Яковлевну. Жили трудно, но солидарно, уважительно поддерживали друг друга.

Художественная работа шерстью И.А. Баженовой

Удалось!

Папа часто ездил в Железнодорожный и Москву, чтобы отстаивать интересы Купавны, рассказать о нуждах жителей. Например, о необходимости установки телефонов для вызовов «Скорой» или пожарных. Как там удивлялись: «Какая телефонизация, газификация? Это же поселок!» Но у папы было особое мышление — мог спорить, но чаще убеждал логикой, подходил издалека, подводил человека к самостоятельным нужным выводам.

Папа ушел из жизни в 1969 году. Газификация началась в 1972-м. Но начало мощного развития Купавны было положено именно в конце 1960-х.

А мама моя, Евгения Александровна, играла Рахманинова в поселковом клубе на праздниках 9 мая и 7 ноября. Она, человек музыкально одаренный, занималась дома с учениками, устраивала совместные концерты, на которые как мотыльки стекались купавинцы. Жаждали общения и приобщения к культуре.

Надо обязательно вспомнить Людмилу Евгеньевну Инкину

С 90-х по 2015 год Людмила Евгеньевна сыграла важную роль в истории развития и благоустройства всей Купавны. Абсолютно неравнодушный человек ко всему живому, она была председателем местного отделения Общества охраны природы. Как любила и выхаживала животных, к ней прибивавшихся обиженными и искалеченными. Редкий день, когда она кого-то не спасала.

Людмила Инкина, неутомимо защищая природу, возглавила купавинское общественное движение местных жителей и дачников за спасение Бисерова озера от варварской застройки берегов и пагубного загрязнения, беспредела самозахватов общественной территории, была избрана народным депутатом в Мособлсовет. Не щадя сил выступала на заседаниях областных и федеральных властей. Не гнушалась разбираться со свалками и убеждать не засорять собственную землю.

Как-то Людмила Евгеньевна принесла копию карты Генерального плана застройки Купавны конца 30-х годов, составленного очень подробно. Примечательно, что наш почти вековой парк на улице Дружбы (бывшей Ленина) был запланирован именно тогда и там же, где сейчас он и расположен, засаженный цветущими липами и кленами, роскошными клумбами с цветами… От новой застройки его спасало уже нынешнее поколение купавинцев.

Фото из личного архива

ЛАРИСА ШАМИКОВА

Елена Архипова

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Елена Архипова, филолог и психолог, в основе ее литературно-художественного творчества — желание поделиться впечатлениями. Зафиксировать на бумаге событие, образ сказанного человеком слова, форму цветка, дерева, мимолетного облака. Придать материальность моменту жизни, дать возможность прикоснуться к нему другим людям.

СОСЕДИ

— Лен! Лена!! Ле-на!!!

— А?

— Да выключи ты, наконец, свою трещотку! Кто только додумался такое музыкой называть! Орет так, что не докричишься!!! — На пороге Ленкиной комнаты возникла бабушка.

—Че, ба? — не поднимая глаз от тетрадки, спросила Ленка. Начинать отстаивать право на громкую музыку в своей комнате очень не хотелось.

— Посмотри, осталась ли в чайнике вода? — Вопрос был столь неожиданный, что голова повернулась сама.

— Вода-а… ха… ха-ха-ха-х! — не сдержалась Ленка. На пороге бабушка переминалась голыми ногами, кое-как накинув на одно плечо халат, полотенцем пытаясь остановить бегущие с волос мыльные струйки.

— Что, ха-ха, случилось-то? — все еще едва сдерживая смех, озадачилась Ленка.

— Что-то с водой!

— А что с водой?

— Ее нет.

— ??.. Как нет? — У Ленки засосало под ложечкой. Она подозревала про насос. Еще позавчера слышала стоны и харканья, исходившие из его нутра.

— Ну что ты издеваешься-то надо мной… неси чайник!

— В чайнике воды нет, давай я тебе чалму из полотенца сделаю, ха-ха-ха-ха, — уже слегка нервно предложила Лена.

Вздохнув, закрутила бабуле голову полотенцем и отправилась к соседу за помощью.

— Здравствуйте, Анна Алексеевна! А Иван Ильич дома?

— Глянь в сарае. Случилось что? — оторвавшись от прополки грядки и поднимаясь с коленок, спросила она с тревогой в голосе.

— Да водный насос барахлит.

— Ой, беда! Без воды-то как в доме?

В сарае дверь открыта, внутри идеальный порядок. Разный инструмент удобно развешен по стенам. Верстак свободный, пол чистый. Хозяин стоит с трубой в одной руке и с чем-то из гаек в другой. Ленку не видит. Размышляет вслух: «Утрязать али не утрязать?» Вертит одной рукой, потом другой и опять: «Утрязать али не утрязать?»

— Здравствуйте, Иван Ильич! Бабушка послала за вами сходить. У нас насос капризничает.

— Вот незадача… — бормочет он. Медленно и аккуратно укладывает трубу на верстак, берет чемоданчик с инструментом. Всегда работал только своим. Другой сосед, дядя Коля, тот все больше хозяйскими норовил работать, знал, что у Ленкиного деда инструмент отменный.

— Ну что, Ляксевна, пойду, погляжу, — обращается Иван Ильич к жене, надевая самостеганную тужурку с карманами.

— Ну, с богом, — Ляксевна, держась за уголочки платка, повязанного на голове, незаметно крестит мужа.

ЛАРИСА ШАМИКОВА

Они деревенские, уклада своего не поменяли. Руки трудовые, на все скорые. Душа чистая, отзывчивая. Иван Ильич мастер на всю округу.

Ленкина семья интеллигентная. Бабушка — скрипачка с консерваторским образованием. Отлично играет и на пианино, которое стоит в доме в гостиной. Она учит музыке соседских детей. Устраивает совместные отчетные концерты, в обязательном порядке приглашая родителей учеников и соседей. Бабушка много читает, выписывает литературные журналы, обменивается ими с соседями. А потом они вместе обсуждают, спорят, радуются интересным сюжетам.

Дорогой Ленка выкладывает свои наблюдения, предположения, опасения про насос. Иван Ильич выслушивает, обстоятельно расспрашивает. Он знает, что во всяких поломках она всегда крутилась рядом с мужиками и поднабралась знаний. Толковая девчонка.

Родители ее уехали в длительную загранкомандировку. Их оставили вдвоем в загородном доме. Бабушке — семьдесят. Внучке — четырнадцать. «Других вариантов нет», — решительно сказал папа и, забрав маму, улетел в неведомую Африку, обещая через год вернуться в отпуск. Ленка чуяла, что надвигающаяся свобода от родителей ничего хорошего не предвещала. Внезапно повзрослев и чувствуя повышенную ответственность, она не понимала, кого с кем оставили. Кто за кем присматривать должен. Да еще дом. Его Ленка ощущала как отдельный организм, который требовал постоянного внимания и заботы.

— Ну что, Явгеня Ляксандровна?

— Да вот, не даю вам скучать, — хрипло посмеивается бабуля, пропуская его в дом, чуть отодвинув вниз руку с неизменным «Беломором». Курить начала в войну. Объясняла, что так они заглушали голод и грелись.

У бабушки три типа одежды. Домашняя, уличная и рабочая. Фланелевые или бумазейные кофты и несколько сарафанов, обязательно с карманами. В одном — носовой тканевый платок, всегда свежий. В другом — бело-голубая пачка папирос и коробок спичек. На улицу бабуля всегда надевала платья или юбки в пол. Не концертные, но «на выход», как она говорила. Рабочая одежда предполагала треники или брюки.

Покрякивая, Иван Ильич лезет в подвал, Ленка спускается за ним. Замечают сырое пятно вокруг насоса.

— Неужели течь?

— Прокладку менять надо.

Звучит угрожающе. Ленка не знает, есть ли у них запасная деталь.

Как без воды жить?

Лена поднимает полные слез глаза на мастера. Что теперь? Иван Ильич молчит, думает. Смекалка мужицкая всегда выручала, в магазин-то не сходишь, нет в том магазине ничегошеньки. Лезет в подвал, долго там гремит инструментом. Ленка зависает над люком, бабушка сидит рядом на табуретке. Курит. Всем очень хочется знать, что он там делает, но спросить не смеют.

— Ключ на тринадцать есть? Не поло́жил я в свой чямодан.

Еще какое-то время сидят прислушиваясь.

— Не держит, без прокладки не обойдемся. Бяги, бяги, Лянок, по соседям.

Дяди Коли дома не оказалось, у Николаева нужной не нашлось, он послал ее к третьему, третий к четвертому. Ленка решает зайти домой, чтобы взять велосипед, доложить обстановку и продолжить поиски.

С порога кричит про трудности. Странно, но бабушки на табуретке нет. И тут слышит из подвала:

— Ляксандровна, упрись, упрись, тябе говорю, ммм… Дяржи его. Крепче, Ляксандровна, крепче дяржи!

Ленке жутко интересно глянуть вниз, что же там многоуважаемая Евгения Александровна подпирает, но некогда, нужно скорее искать эту деталь, без которой они с бабулей покроются коростой грязи, и будет Ленок таскать ведра с колонки для полива огорода!

Поселок большой, улицы широкие, зеленые, заборы из штакетника, калитки на вертушках. В пятидесятые годы выделили пустырь под застройку. Право строить себе жилье самостоятельно на нем получили заводские, военные, писатели и художники. В первый сезон ставили так называемую времянку. Маленький домик, в котором семья жила, пока в следующие несколько лет возводился дом. Строили в прямом смысле своими руками. Из того, что удавалось достать, с теми, кто был рядом. Сложилось так, что проблема одного хозяина решалась совместно. Мужики зависали над объектом, чесали затылки и терли лбы. Подтягивая штаны на резинках, бежали во времянки, ставшие к этому времени сараями, находили нужную штучку, приспособив которую, восстанавливали рабочее состояние. Чинили все и у всех. Такое время было.

ЛАРИСА ШАМИКОВА

Поколение дедов знало все особенности каждого дома. В домах, где хозяйки были покрепче, во времянки селили коров, коз, кур, но место для инструментов и верстака оставляли обязательно. В такой атмосфере Ленке легко было обращаться за помощью. Хозяева приветливые и отзывчивые всегда. Все помогали всем. Искренне, быстро, бросали свои дела и помогали.

— О, е-мое!..

— Ну, это, ты погодь здесь…

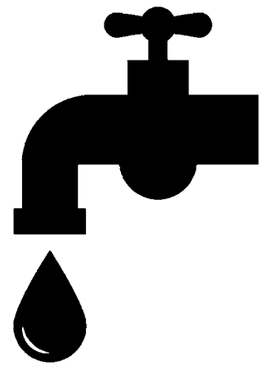
— У… пошли, поищем. Мы тот раз у Ильича делали, так я не стал выкидывать…

— На-ка, вот, держи.

— Ну, я приду, приду, подсоблю.

Так Ленке отыскивают соседи прокладку. Маленький резиновый кружочек с дырочкой. Главное — нужного диаметра и толщины.

Ликуя, Ленка на всех парах влетает на участок, чуть не сшибая велосипедом два ведра, наполненные водой. Ого! Кто-то из соседей уже знает про беду. Ведра два, и они разные, замечает Ленка, значит, уже вся улица в курсе. Спасибо, помогают, радуется она, и двигается вглубь участка.



Отпущенная из подвала бабушка сидит в позе кучера на лавочке. Сложенные руки держат нераскуренную беломорину. Вид у бабули слегка потрепанный, на недавно свежем сарафане расползлось черное пятно. Она с нескрываемым восторгом смотрит то на соседа, то на извлеченный на свет божий, заметьте, не без ее помощи, насос.

Иван Ильич торжествующе сидит на крыльце, обнимая насос и рассматривая патрубок со словами: «Утрязать али не утрязать?» Ленку вновь разбирает смех.

Следующий час уходит на разборку, чистку, смазку и сборку насоса с новенькой прокладкой. Пальцы Ивана Ильича — негнущиеся, искривленные годами тяжелой работы — все еще ловко справляются с детальками, точь-в-точь как бабушкины с клавишами. Потом все водружают насос на место.

Ленка прижимается к стенке, слушает затаив дыхание, волнуется. Запустится ли, заработает? Слышится бабушкино дыхание над люком. Она тоже волнуется.

Насос оживает: сначала бурчит и сердится, гудит и ухает, потом прокашливается как оперный певец перед выходом на сцену, и вдруг начинает весело и мерно гудеть, подавая воду по трубам и емкостям в доме.

Ремонт получился! Иван Ильич доволен. Спокойно и обстоятельно собирает чемоданчик. Моет руки с хозяйственным мылом, другое не возьмет смазку. Бабушка подает ему полотенце, достает кошелек.

— Какой рупь, Ляксандровна, мы ж подельники! — смеется он.

Ленка идет провожать соседа до калитки. На улице навстречу им спешит помогать дядя Коля.

— Что, уже починили?

— Да, припоздал ты малек. Мне ужо Лянок подсобила... Ты вот что, Коль, пойдем-ка ко мне, покумекаем. Я вот все думаю: утрязать трубу-то али не утрязать?

Тетрадка с недописанным упражнением дожидалась Ленку раскрытой на столе.

— Чур, я первая в душ!.. С каким же удовольствием я сейчас помоюсь, — кричит уже изнутри дома бабуля, ставя точку в этой истории.

Дмитрий Цесельчук

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Дмитрий Цесельчук, поэт, переводчик поэзии с английского (в том числе Боба Дилана, Жанет Фрейм, Дома Мораэса), латышского, литовского, азербайджанского и грузинского языков (11 книг переводов). Лауреат литературных премий. Председатель Московской организации литераторов СЛ РФ. Почетный председатель Союза литераторов России: *«Прирожденный дачник, хотя и родился на Арбате: «На даче комфортней, укорененней: как не посмотри, а родовое поместье, это, пожалуй, ее основное достоинство. Дача, это как воля и бесконтрольность...»*

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Дорога к Полтевскому храму

Уже идет июнь,
еще все лето впереди…

Бог с ним, с признанием, — были бы строки,
те, за которые хоть на расстрел.
Неба покоится купол высокий,
как на плечах, в бескорыстии дел.

Лес обгорел по колено, но кроны
неопалимые сплошь зелены,
не пожалел бы на гадов патроны —
ушлых хапуг и бесстыдных проныр.

Все бы застроить им до горизонта,
втридорога на торгах толкануть.
— Выкуси накось, — скажу им без понта, —
вот где сидит ваша подлая суть.

Тлеет торфяник. Чернеет боками
жутких стволов-головешек каскад.
Трактором вывернут, увалень-камень
рядом с березой пристроиться рад.

Трудно проехать на велосипеде
через пожарище в Полтевский храм.
Но через мытарства все же приедем,
батюшка выйдет из горницы к нам.

Жалко, что не побываем на службе.
Книгу подарим, любуясь на крест.
С осени мы с реставраторшей в дружбе,
и прихожане нас знают окрест.

Договоримся о будущей встрече,
спросим, как проще проехать в Милет,
и, чтоб не встретить на просеке вечер,
в дом возвратимся на поздний обед.

И, причащаясь к дальней молитве,
дух укрепим, от дороги устав,
Дело продолжим свое —
в этой битве
вложит Господь Слово в наши уста.

И понесем его братьям и сестрам —
с ним ты действительно непобедим,
Как та береза, что в платьице пестром
горький вдыхает Отечества дым…

Нина Давыдова

Нина Давыдова, краевед, экскурсовод, автор путеводителя «Москва 2000». Журналист печатных и электронных СМИ, главный редактор газеты «МОЛ» Союза литераторов: *«Именно на даче определилось, кем я стану и какой дача должна быть. Мне 7 лет. Удельная. С соседней дачи зовут: "Нина, иди играть, я освободился!" Моему другу чуть больше 50, он писатель. У него библиотека в мансарде, рассказывает о приключениях и фантастике, — не оторваться! С балкона видна заросшая часть сада, там прячется металлическое чудовище, мы с ним сражаемся и всегда побеждаем. Когда уезжали с родителями навсегда из Удельной, я пришла проститься, протянула вырезку из "Крокодила": "Я тоже буду журналистом". Помню до сих пор, как его лицо стало серьезным: "Дай мне слово, что детским журналистом". Иван Афанасьевич Рябов умер в 1958 году, на Новодевичьем ему установлен памятник. А у меня сейчас дача с библиотекой, сад с зарослями, литературная работа и светлые воспоминания о человеке, определившем мою жизнь».*

В ОКРЕСТНОСТЯХ КУПАВНЫ

Лиственница как страж и свидетель

Из хвойных пород только лиственница сбрасывает на зиму всю свою нежную крону. Она может переносить суровые зимы, древесина плотная, твердая и почти не поддается гниению. (*Из энциклопедии.*)

Осенняя пора прекрасна и печальна недолгими и пронзительными днями, подсвеченными золотым и огненно-красным кипением опадающей листвы. Переход к иному, зимнему сезону невольно провоцирует философскую сосредоточенность. Как бы подведение итогов, чему способствует путешествие во времени: весной, летом и в начале осени не один раз на велосипедах или стареньком мерседесе мы объезжали окрестности Купавны.

Века пролистывались так просто: храм в бывшем имении графа, генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского в Троицком-Кайнарджи. Каскады прудов, лиственницы, по преданию посаженные Екатериной Великой, старинный мавзолей, школа, современные многоквартирные дома и бензозаправка.

На Троицу на ступенях храма прихожане: старики с орденами и медалями на потертых лацканах неясной давности пиджаков, молодые фасонистые мамы в красивых платках и шарфах, особенные, отстраненные лица у молодых

Никольский собор в Полтево

мужчин в камуфляже: прошли через Афган, Чечню, Осетию, Приднестровье...

В 5–20 км от Троицкого-Кайнарджи — бывшие имения выдающихся российских полководцев, где от великолепия дворцов и парков осталось только великолепие этой земли. И чудом сохранились церкви. Везде — вроде похожие, но все же наособинку прихожане: в Кудиново, Электроуглях, Милете и Саввино.

А сердце прикипело к полтевской земле. Сначала удивила церковь: из белого камня, с украшениями, полюбившимися на Руси в конце XVII — начале XVIII веков, такое сочное нарышкинское барокко! Храм Никольский, начала XVIII века, на холме.

В одну сторону — за полем лес стоит стеной. За шоссейной дорогой, шелковой, без единой ямы— старинный, сильно заросший парк. На третью сторону плавно, но неуклонно понижается земля к воде: похоже на речку с запрудами или — спущенные пруды. А на четвертую — опять поля и опять лес стеной. Вокруг храма и вдоль шоссе старенькие, но ухоженные дома и современные, с новомодными окнами, из дорогих материалов — не дома, а, как привыкли называть у нас в последнее время, коттеджи.

В начале XVII века здесь была деревня Сущево, рядом речка Татарка. Из первых известных владельцев — воевода Дмитрий Петрович Пожарский. В середине XVII века этой землей распоряжается думный дворянин Федор Алексеевич Полтев. При нем на каменном основании возводится деревянная Никольская церковь, а имя его навсегда останется в названии древнего места — Полтево.

В самом начале XVIII века здесь обосновался сподвижник Петра I адмирал Федор Матвеевич Апраксин. Именно тогда строится не имеющий равных себе белокаменный Никольский храм. В то время церкви уже несколько столетий в Москве и Подмосковье строили из дерева или кирпича, аналогов же этому белокаменному храму нет.

ВАСИЛИСА САВИНА

В советские годы церковь закрыли, и гибель уникального памятника истории и архитектуры казалась неминуемой. Но чудо всегда рядом с нами: началась «перестройка», храм вернули верующим, уже несколько лет ведутся реставрационные работы. Есть свой приход, возобновились богослужения.

Не зная имени зодчего, возводившего Никольскую церковь, но любуясь ее пропорциями, переводя взгляд от одного яруса к другому, удивляясь легкости, звучности храма «иже под колоколы», мы понимаем, что «ведем разговор» с первоклассным мастером эпохи «нарышкинского барокко», знатоком древнерусской и западноевропейской архитектуры.

После смерти графа, согласно завещанию, село Полтево продается, а полученные средства идут на выкуп пленных и в пользу неимущих. Так все переплетается на нашей земле.

В жаркую погоду хочется укрыться под деревьями в парке. Какие кроны здесь сохранились! Не могу отойти от огромной лиственницы в середине усадьбы, что-то она мне напоминает... Батюшки, да похожую я видела в Кусково, рядом с каменной оранжереей! Сколько же лет этой, полтевской, — может быть, ее посадил сам Петр I? Отчего же нет, они с Федором Апраксиным не последними знакомцами были.

Еще несколько лиственниц, но они помоложе, а вот ели, березы, липы, клены. Хотя парк и очень запущен, даже мусор валяется под древней лиственницей, он не истоптан, есть заповедные тропки с грибными запахами.

И подберезовики, рыжики, маслята, а этот, гордый, — неужели белый? Немного побродили, у мужа целая корзина грибов, и ни одного червивого.

Огненные осенние клены догорают в теплой, затянувшейся осени. А рядом распростершая, как обереги, свои ветви могучая таинственная лиственница диковинно склонилась к кленам, как знак соединения времен и судеб.

Фото из личного архива

Александр Прохоров

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Александр Прохоров сменил немало профессий: работал вузовским преподавателем, сотрудником ряда иностранных IT-компаний, журналистом. Около 25 лет — в области информационных технологий, был редактором журнала «КомпьютерПресс».Опубликовал три книги и несколько сотен статей в технических журналах. Первый сборник прозы вышел более 20 лет назад; сегодня напечатаны нескольких десятков рассказов, *«посвященных нашим дням — времени, в которое мы вошли, и многое не успели уяснить для самих себя...»* Из читательской рецензии: *«...рассказы у него с разной тематикой, в большинстве о простых житейских ситуациях, которые оставляют после себя чувство теплоты и домашнего уюта. Есть чему порадоваться, над чем погрустить…»*

ДАЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Вновь возвращаюсь к теме выброшенных книг и помоечных находок. Живу на даче. Иду по утрам на пробежку мимо мусорного контейнера, общего для всего нашего садового товарищества. Не все бросают ненужное в его кузов, то, что может послужить второй жизнью, кладут поодаль. Рядом на заборе висят то джинсы, то зимняя куртка, то что-то еще. Висит все это долго. Ажиотажа нет. Неподалеку от контейнера складывают металлические отходы — то кусок арматуры, металлические кастрюли и сковородки, то какие-то диски, обрезки труб, другой лом. За этим ломом пару раз в месяц приезжает разбитый до невозможности микроавтобус. В этом микроавтобусе едут нерусские, очень вежливые люди. Если встречают меня на дорожке, ведущей через лес к контейнеру, непременно тормозят и каждый раз учтиво спрашивают: «Хозяин, железный лом есть?» Я говорю, что нет, и с удивлением наблюдаю, как проржавевший насквозь микроавтобус может вновь тронуться в путь, двигаться, не разваливаясь на ходу, и еще везти на себе какой-то лом.

Но я отвлекаюсь.

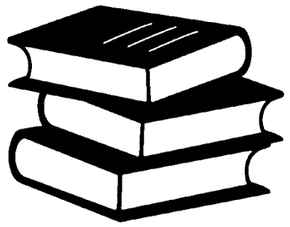
Рассказать хочу о конкретном эпизоде, что произошел с неделю назад возле контейнера.

Я шел мимо описанного мною места и увидел неподалеку от помойки две связки книг, каждая высотой с полметра. Огляделся. Вроде никого нет. Подошел к связкам. Развязать не просто. Стянуто крепко бечевкой. Вытащил наконец с самого верха книгу, связка ослабла. Я смог уже легко вытащить другие книжки, разложил на траве. Вот Стаднюк, еще малоизвестные мне советские писатели. Пестрые обложки детективных изданий 90-х. Бушков, Чейз... А вот сборник стихов Лермонтова. Открываю томик Михаила Юрьевича. Зачитался...

Вдруг резкий окрик со спины: «А ну, положи на место!»

Оборачиваюсь. Кирилл Лоскутов со всем семейством едет из поселка, увидели меня, притормозили. В машине вижу лица всех его домочадцев, вернее домочадок — у него все дочки. Улыбаются. Я рад их видеть! Просовываю в окно руку, нагибаюсь слегка, здороваюсь с Кириллом за руку. Он ехидно спрашивает: «Ну что, своих книг там не нашел?»

Я не обижаюсь. Отвечаю с улыбкой: «Нет, Кирилл, это еще заслужить надо!»

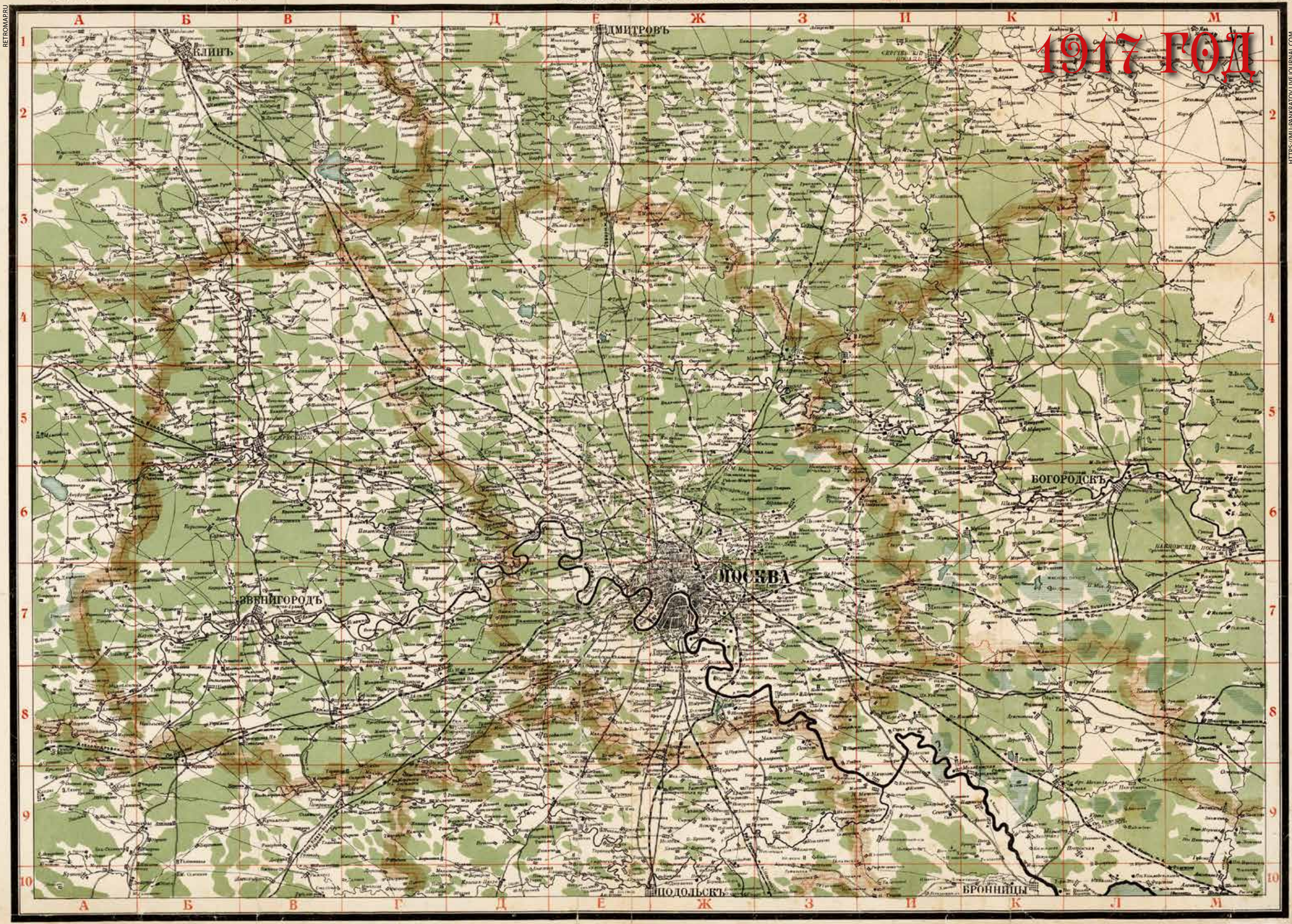


А про себя думаю, что все так — надо заслужить, чтобы твою книгу издали, купили, долго хранили на полке, а потом отнесли в утиль... Это еще надо заслужить, чтобы твой труд оказался в такой почетной компании — Стаднюк, Чейз, Бушков и даже сам Михаил Юрьевич Лермонтов!

Кгеография:
литературная, справочная...

RETROMAP.RU

Масштабъ 5 верстъ въ дюймѣ.



1917 ГОД

HTTPS://MU-PANKRATOV.LIVEJOURNAL.COM

24SMI.ORG

ВЕЧНЫЙ БУМ

«Жду — не дождусь весны и мая,
Цветов, улыбок и грозы,
Когда потянутся, хромая,
На дачу с мебелью возы!..»
(Игорь Северянин)

Дачные поселки Подмосковье — результат житейского бума конца XIX — начала XX веков — жизнь на природе. С наступлением тепла из Москвы тянулись в пригороды многочисленные повозки со скарбом — горожане выезжали на дачи. В основном это были жилые постройки в усадьбах обедневших дворян и крестьянские избы. Следом, просчитав коммерческую перспективность дачного строительства, подтянулись предприниматели и купцы, скупившие десятки и сотни гектаров земли для создания и благоустройства знаменитых дачных комплексов для имущего сословия. Иметь собственную дачу могли позволить себе наиболее состоятельные горожане, многие могли только арендовать на лето. Дореволюционный московский дачный пояс — нынешние столичные городские районы за Третьим транспортным кольцом.

После революции сформировались новые традиции дачного досуга. В 60-е годы XX столетия дачи стали своеобразным местом: лабораторией, мастерской, студией, клубом для творческих встреч и музеем, хранящим документы, частные архивы, коллекции и библиотеки. В 70–90-е годы превратились в пространство реализации «продовольственных программ» владельцев. В конце XX века роль дач снова меняется — это «визитная карточка достатка» и элемент светского престижа, а хозяйственная роль уступает место эстетической или художественной. Дача — это семейные традиции, культ, мода, значимый фактор в отечественной истории, искусстве и культуре. Легендарные дачные места: Малаховка, Кратово, Переделкино, Снегири, Валентиновка…

По оценкам экспертов, в Московской области насчитывается 11–12 тысяч дачных поселений, включающих порядка 3–3,3 миллиона дачных и садовых участков, девять радиальных направлений Московской железной дороги соединяют Москву с дачными местами.

PASTVU.COM

IT.PINTEREST.COM

DZEN.RU

PASTVU.COM

PASTVU.COM

ARCHDIR.MOS.RU

DZEN.RU

PASTVU.COM

Наталья Трясцина

Наталья Трясцина — поэт, журналист, преподаватель русского языка и литературы в гимназии. Родилась в Перми. Мама дочери и двух сыновей. Член Союза журналистов и Союза литераторов России. Работала корреспондентом корпоративной газеты, корректором, редактором. Победитель и член жюри литературных конкурсов и фестивалей. Автор книг «Если звезды зажигаются…», «Примири свое зрение», «Московское кольцо»:

«Мы все сегодня смертники,
Но смерти вопреки
Растим свои бессмертники
В обочине строки...»

ИЗ ЦИКЛА «АММИАЧНОЕ-ДАЧНОЕ»

Живу я простым человеческим бытом:
Встаю на рассвете, иду в огород.
Капуста с горохом успешно политы,
Редиска румяная просится в рот.
Салат восседает как царь среди черни,
У луковиц головы вжаты в песок,
И жимолость прячется среди терний,
Из зарослей выглянув всего на часок.
Увидев все эти земные богатства,
Ну как не воспрянуть уставшей душой,
И весь кавардак безупречных препятствий
Покажется дьявольской сказкой смешной.
Где ряженых — толпы, предателей — лица
Прикрыты застенчиво масками лжи.
Но, Господи, в небе полощут зарницы,
И Ты мне защиту мою покажи.

Я люблю запах березовых дров. Мыть посуду во дворике нагретой солнцем водой. Разноцветных улиток, героически храбрых котов, чай с мелиссой и мятой, летний букет с резедой. Я люблю с каждым часом, с каждой вечерней звездой все твои выкрутасы, весь твой мнимый покой. Я не буду его нарушать. Мне и так хорошо. Лягу в звездного неба спальный мешок, чтоб тебе не мешать, чтоб тобой не дышать. И глаза не прищуривать, глядя в твои, и зрачки не сужать.

Огурцы

Тот, кто режет огурцы,
Уважает Лао-цзы.
И заброшен Фейербах:
Огурцы растут в садах,
В огородах и лесах.
Их пупырышки на мах
Хлестала по стеклам
беспечно.
Светилась небесная репка,
И яблоки падали в вечность
То сладко, то горько
и терпко.

Разлетелись по тарелкам
И у босса, и у клерка.
Денег нет: есть огурцы.
Вы держитесь! Лао-цзы.
Не лучше ли выращивать томаты?

Отправить на металл все автоматы, не вздрагивая утром от побед, которые, родившись от всех бед земных, нам счастья не приносят.

А в чем же счастье? Дача. Небо. Осень.

Дачное осеннее

Купались осы в яблочных бассейнах,
забродившие ванны принимая.
А я — на солнце, мир весь обнимая,
довольна, что нет связи и никнейма.
Что я никто и нет меня в эпохе,
Живу и радуюсь на даче,
Среди сказки,
Приемлю все: от зверобоя до картохи,
Той самой, знаменитой «синеглазки».

Счастье — это когда под ногами пружинит дорога. Заливными лугами идем мы к реке. Ты постой в тишине, ты послушай ее, ради Бога. Ты найди бронь моллюска в потемневшем от ила песке. А затем на закат полюбуйся багровый, предвещающий ветер и стрелы с небес. Твоя жизнь удалась, а судьба промычала коровой, что случайно зашла с колокольчиком в солнечный лес.

О доме простом, деревянном
Я думала много и крепко,
О яблоне, что безымянно
За окнами ветками цепко

Сбылась моя мечта десятилетней давности. Купили с мужем для отдыха небольшой аккуратный домик рядом с лесом. Сад и цветник есть. Есть своя калитка с выходом в лес через мостик. Нужно привести в порядок территорию, поставить печку, сделать веранду и крыльцо. Это калужское направление, юго-западнее Москвы.

Я и не думала, что Господь когда-нибудь сподобит меня любоваться таким счастьем: молоко утреннего тумана, ветка с яблоком у окна дома, сладкие крупные сливы прямо с дерева, шум дубов, рябин и другого лиственного леса, растущего рядом с домом, елочка, хосты, папоротники и все то, о чем я мечтала много лет, но казалось невозможным. Соседка вот уже второй раз положила нам огородных даров: огурцов, перцев, баклажанов и томатов. Все очень вкусное и настоящее…

…Главное, не наступить ногой на это благолепие и не порушить любовно созданный природой мир. И я понимаю, что, несмотря на все мои грандиозные мечты, я не стану их реализовывать сразу, а оставлю все как есть, потихоньку внося правки, стараясь поддерживать то, что задумано природой.

Фото из личного архива

Константин Паустовский

Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968) — советский писатель, сценарист, педагог, журналист, военный корреспондент и переводчик, признанный мастер лирической прозы. Четырехкратный номинант на Нобелевскую премию по литературе.

«Паустовский. Наедине с осенью»

Салтыковка

PASTVU.COM

Платформа Салтыковская, 1909 год

При строительстве железной дороги Москва — Нижний Новгород в 1863 году по названию близлежащей деревни появляется затерянный полустанок «Платформа Никольское». Позже переименованный в «Салтыковскую» — в честь владельца местных земель, князя Петра Салтыкова. Вскоре с севера от дороги строятся незатейливые дома для железнодорожников. А южную сторону под возведение роскошных дач облюбовали обеспеченные москвичи, называвшие ее Новыми Сокольниками. Близость к Москве, обилие прудов, красивые пейзажи и доступные цены привели к тому, что в конце XIX века поселок Салтыковка становится одним из излюбленных и популярных мест дачного отдыха для московской интеллигенции.

Летом 1879 года в Салтыковке вынужденно поселился Исаак Левитан, 18-летний ученик Московского училища живописи, ваяния и зодчества. После апрельского покушения на Александра II городские власти, резко ужесточив антисемитские преследования, запретили неблагонадежным евреям жить в Москве, официально называемой «исконно русской столицей». Художник, находившийся в крайне стесненных обстоятельствах, обитал в бывшем сарае рядом со станцией, где написал первую проданную картину «Вечер после дождя», на которой изображена железнодорожная станция Салтыковская. Другая работа Левитана, впоследствии широко признанная, «Осенний день. Сокольники», приобретенная Павлом Третьяковым, была также создана в дачной Салтыковке.

Каменная плотина в районе Новые Сокольники Салтыковки.1909 год. Фото Н. Щапова. Главархив Москвы

ОТРЫВОК ИЗ ОЧЕРКА «ИСААК ЛЕВИТАН»

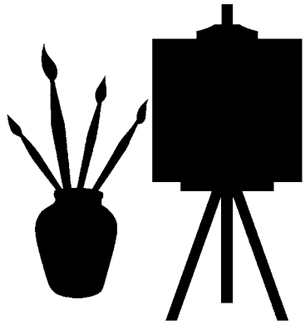
«...Лето в Салтыковке Левитан вспоминал потом как самое трудное в жизни. Стояла тяжелая жара. Почти каждый день небо обкладывали грозы, ворчал гром, шумел от ветра сухой бурьян под окнами, но не выпадало ни капли дождя. Особенно томительны были сумерки. На балконе соседней дачи зажигали свет. Ночные бабочки тучами бились о ламповые стекла. На крокетной площадке стучали шары. Гимназисты и девушки дурачились и ссорились, доигрывая партию, а потом, поздним вечером, женский голос пел в саду печальный романс: «Мой голос для тебя и ласковый и томный…»

Но Левитан был беден, почти нищ. Клетчатый пиджак протерся вконец. Юноша вырос из него. Руки, измазанные масляной краской, торчали из рукавов, как птичьи лапы. Все лето Левитан ходил босиком. Куда было в таком наряде появляться перед веселыми дачниками! И Левитан скрывался. Он брал лодку, заплывал на ней в тростники на дачном пруду и писал этюды — в лодке ему никто не мешал. Писать этюды в лесу или в полях было опаснее: здесь можно было натолкнуться на яркий зонтик щеголихи, читающей в тени берез книжку Альбова, или на гувернантку, кудахчущую над выводком детей. А никто не умел презирать бедность так обидно, как гувернантки.

Исаак Левитан. «Вечер после дождя» (частная коллекция)

Левитан прятался от дачников, тосковал по ночной певунье и писал этюды. Он совсем забыл о том, что у себя, в Училище живописи и ваяния, Саврасов прочил ему славу Коро, а товарищи — братья Коровины и Николай Чехов — всякий раз затевали над его картинами споры о прелести настоящего русского пейзажа. Будущая слава Коро тонула без остатка в обиде на жизнь, на драные локти и протертые подметки…»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТЕРНА»



Николай Фохт

Николай Фохт, журналист, писатель: *«Вот, что было в жизни: спортивная школа, журфак МГУ, польский и португальский языки. Новостное агентство, газеты и журналы; "Похмельная книга", книжка "Ливни свобод", сценарий фильма "Зачем ты ушел"; курс кинолекций по журналистике "Англия".*

ВИКТОР АХЛОМОВ

Поваро́вка

Поваро́вка — остановочный пункт Ленинградского направления, открыта в 1885 году как частная платформа. Получила название от одноименного поселка, ныне микрорайон Поварово, — крупного дачного поселения, расположенного на реке Радомле, в 49 км к северо-западу от Москвы. В 1862 году на этом месте располагалось владельческое село 1-го стана Богородское Звенигородского уезда Московской губернии. В 1913 году здесь находилось 85 жилых дворов, земское училище, почтовое отделение, богадельня, винная лавка, два трактира. По данным переписи 1926 года, в селе проживало 683 человека и насчитывалось 166 хозяйств.

В 1929 году оно вошло в состав Солнечногорского района Московского округа Московской области. В сентябре 1960 года Поварово получило статус дачного поселка, в 2006 году ставшего административным центром городского поселения Поварово Солнечногорского муниципального района Московской области.

АНДРЕЙ ЛЕВЧЕНКО

Из достопримечательностей известна старинная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, история которой начинается не позже XV века. После Смутного времени храм пришел в запустение и постепенно разрушился, но был восстановлен на средства бояр Морозовых. И вновь упоминается в документах около 1670 года. А в конце XVII века на средства Нарышкиных деревянное здание заменили на кирпичное в стиле московского барокко.

WIKIPEDIA.ORG

RIA.RU

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ УТЕШЕНИЕ В ПОВАРОВКЕ

Все говорят: Купавна, Купавна. Ото всех слышал, ни разу не видел. Сожалею, но не очень. Потому что всюду параллельные места. Слушаешь песню «Честно говоря» советской группы «Цветы» — слышишь «Find Yourself a Rainbow» от «Slade», всматриваешься в любой тест Роршаха — видишь только распятую летучую мышь, сядешь в электричку до Поваровки, выйдешь, разумеется, в Купавне. Так устроено, ничего не поделаешь.

В голове отчетливо прозвучал ее голос: «Господи!» Господи, как долго я искал эту Поваровку. Она, конечно, всегда была — тлела под ложечкой, пульсировала на запястье, качалась на жестких рессорах полуторки, набитой летним хламом, — ты, как в черно-белом еще кино, путешествуешь на дачу, навстречу узкой дорожке, присыпанной сосновой хвоей, неровному шуму электричек, болотной влажности северного воздуха.

Ничего и не было там, в Поваровке. Совсем. Осталась в памяти пара сцен — бессвязных, незначительных. То ли акварелью, то ли маслом написано, как бабушка выходит за калитку и зовет меня. Звук ее голоса застревает в листве, в траве — изображение тоже замирает. Вот и готова картинка. Старшая девочка медленно поворачивает голову на звук: тебя зовут. И мы застываем в возникшей тайной тишине. Мне лень возвращаться домой, мне хочется побыть на этой завалинке, в этой девчачьей компании. Даже их снисхождение не обидное, они как будто многое уже знают про страх и заботу. Они терпят меня — потому что и про терпение уже знают, много придется терпеть, вот и учатся на мне. Я, с одной стороны, очень люблю бабушку, с другой — ну сколько можно, ну что со мной может случиться?

Других никого так не ищут по всему поселку. Бабуля ждет у калитки, она злится, пока мы идем до дверей нашего дома — веранды и комнаты с кроватями. Она усаживает меня за стол, покрытый влажной клеенкой, и насыпает в тарелку картошку в мундире из чугунка. Подкладывает вареной колбасы и садится напротив. Она уже другая, рассказывает в который раз, как ей нравится, что есть печка. У них в деревне тоже была печка, в ней готовить очень удобно. Она дом греет, она кормит. А если кашу пшенную оставить на ночь, пока печь остывает, вот будет вкусно, сделаю сегодня. Ты уж не убегай, не теряйся, батек, — я киваю.

Я выхожу из вагона, я совсем ничего не узнаю. Закрываю глаза, прислушиваюсь. Мы шли по ходу поезда? Переходили через пути? Я не помню. Чего я хочу? Залатать зияние. Оказаться внутри декораций. Реконструкция важная вещь. Место хранит время. Ничего не вернуть, никуда не вернуться, но можно попасть в обстоятельства, и в них уже воссоздать — наверное.

Проблески воды, дрожь от проходящего товарного состава, футбольные ворота со сбитой геометрией на заросшей лужайке. Наматываю километры, радуюсь и предчувствую. Из низинки, из высокой травы выныривают две собаки. Черная и палевая. Бездомные, старые, грустные. У одной, палевой, чип на ухе, черная каким-то образом избежала. Они тоже останавливаются и смотрят на меня. Они сходят с тропинки, я забираю вправо. Мы уступаем друг другу. Они, обе, устали от долгого и бессмысленного пути. И во взгляде забытых, заброшенных собак нет никакой просьбы. Только предупреждение: там, откуда мы идем, совсем ничего нет. И одобрение: но надо идти.

Я вижу наконец похожее место. Тоннельчик под железнодорожными путями, болотце с чахлой осокой, низкорослым и деградировавшим камышом. Вот тут и дорога по лесу, и корни, и сосны. Может быть, заброшенные участки — это те дачи? Тут стройка, жизнь наступает, жизнь отстраивается, возводит продуктовые магазины, прокладывает асфальт. Может быть, она и проглотила мою Поваровку — вместе с нечеткими картинками и странными снами?

Нет, я не верю. Я возвращаюсь к самому началу, я кардинально меняю направление поиска. Я иду в другую от станции сторону. И вдруг я все вижу. Вот они, те самые сосны, тот самый перестук колес от редких поездов. Ну конечно! Вот он, фрагмент картинки. Запущенный сад, обрыв, глухой лес и железнодорожные пути. Ну понятно, чего бабуля так боялась.

Видна водонапорная башня. Раньше, полвека назад, она торчала над хилыми избушками. Теперь ее и не разглядеть за хорошими, двухэтажными домами. Вот тут, на этом участке, жил странный мальчик. Он приехал в середине лета. Я шел мимо, увидел, что пустой соседний двор ожил. И заглянул. Как же его звали — Андрей? Саша?.. Первое, что мы сделали, это проверили, на сколько каждый может задержать дыхание — рядом с новеньким летним домом стояла железная бочка с водой. Я секунд тридцать продержался, мальчик полторы минуты. Он объяснил, что очень важно наращивать этот показатель — чем дольше можешь задержать дыхание, тем дольше проживешь, такая прямая зависимость. И еще надо под водой открывать глаза, это полезно. Мальчик цитировал «Науку и жизнь», рассказывал про НЛО и пришельцев, сообщил, что родители у него геологи и часто в экспедициях, а бабушек нет, поэтому он всегда один. Сам готовит яичницу и гречневую кашу — она очень полезная. Мальчик сообщил, что собирается прожить не меньше ста лет. Нет, не помню, как его звали. У него были такие огромные глаза, как у артиста Коренева, Ихтиандра тех далеких лет.

А может быть, мне это показалось из-за подводных процедур. Он как-то быстро научил меня многому. Я попросил родителей выписать «Науку и жизнь», я читал каждую заметку и предполагал, что бы сказал про нее мой летний друг. Я стал задерживать дыхание, я бесстрашно открывал глаза под водой. Я думал о новых мирах, о запутанности космических путей. Мне хотелось жить долго, питаться правильно, не курить. Все из-за мальчика, который жил вот на этом, мне кажется, участке с водонапорной башней. Теперь тут аккуратный дом, регулярный сад и две женщины у стола. Они расставляют на столе предметы: блюдо с яблоками, стеклянный кувшин с красным морсом. Еще чайник на столе. Баранки — такие мягкие и сдобные, самые любимые, лучше сухих, которые нужно грызть. И почему-то пять чашек с блюдцами. Они смотрят на стол, двигают чашки, редко переговариваются.

Женщина оборачивается и смотрит на меня. Здравствуйте. Я когда-то тут жил... Ребенком. Дачу снимал. И мне кажется, на этом участке... тут было все не так, но башня эта была. Тут жил мальчик, мы дружили.

Женщина плавно разворачивается и идет к забору. — А как звали мальчика? — Ох, я не помню... Она жестом приглашает подойти к калитке, открывает. — Давайте в дом зайдем.

Заросший камень дорожки, первые листья под ногами — осень совсем скоро. С порога этот влажный, густой дачный запах. Раньше был еще острый, тревожный керосиновый дух. Сейчас — яблоки, хлеб, оставленный на столе, утренний растворимый кофе. Мы проходим в комнату — разжалованные предметы городской обстановки: ажурные салфетки на комоде, в центре круглого, тоже отставного раскладного стола, венские стулья.

— Так как его звали, нельзя забыть имя? — У него были удивительные глаза — широко посаженные, огромные. Вот это помню. А имя нет.

Она молча поднимается со стула, выходит из комнаты. Через минуту возвращается, кладет передо мной альбом. Я открываю и на первой странице вижу юношу лет десяти–двенадцати. Да, огромные глаза, очень серьезные, тонкие губы, родинка на шее — мальчик смотрит в камеру, на нем полосатый джемпер.

— Иван, Ваня, старший брат. Он умер полгода назад. — Очень похож... — Он такой был хороший, такой... сложный. — А кем он стал?

Я листаю альбом. Мальчик на всех картинках один — как тем летом. Сосредоточенный. Целый альбом одиноких фотографий.

— Ваня был гений. Он сверстников опережал по развитию. И умнее был, и сильнее — прекрасно плавал, бегал каждый день, потом на марафонах выступал. Еще карате, мог за себя постоять. Человек Возрождения — мама его дразнила... В общем, ему очень скучно было с одноклассниками. И учиться скучно, десять классов экстерном, пятнадцать ему было, в университет поступил, на исторический... А на втором курсе что-то в нем случилось. Перевелся на экономфак, походил год на лекции и перестал. То есть экзамены сдавал, что ему эти экзамены. Но стал жить совсем своей жизнью, я его и не видела. Родители как всегда в разъездах, я дома одна.

Она прервалась, сделала глоток, посмотрела на меня пристально, почти как мальчик с фотографии. — Когда он однажды подъехал к дому на иномарке, очень дорогой, это сразу ведь видно было, тогда, я все поняла. Ванечка никогда не рассказывал, это потом я выяснила: он организовал какую-то фирму. Что-то с валютой, электроника, потом, конечно, нефть или типа того. Однажды у нас дома он ужинал с товарищем. Очень характерный мужчина, знаете, другие университеты прошел. Так он на Ваню смотрел как щенок на волка. В Америку уезжал, жил в Европе где-то, в Бельгии, кажется. Знаете, чего я боялась больше всего? Что однажды открою газету и там про Ванечку будет. Мне страшно было, что узнаю о нем из газет, не от него. Он вернулся в родительскую квартиру на Ленинском год назад. Умирать, я сразу поняла. Просто улыбнулся и сказал: здравствуй, любимая сестра. Никогда таких нежностей не было. И вот умер. Странно все это, он таким здоровым был. А вы знаете, он же многократный чемпион по апноэ. Это соревнования по задержке дыхания. — Я знаю, что такое апноэ. — Вот какой он был. Ну что, теперь знаете, как его звали?

— Да, очень похож.

Она положила руку на мою. Легкая, теплая, ладонь сестры. Посмотрела в окно, там были видны расставленные чашки, в режиме вся композиция смотрелась загадочно и красиво.

— Вот Лена, моя подруга. Ваня умер, а она пришла через неделю и сказала про свой диагноз. Я, говорит, не могу спать дома, можно я у тебя полежу. И заснула тут на диване, у меня на коленях. Приезжает теперь три раза в неделю — поспать. А еще она хочет повторить любимые свои события. Хочет успеть как можно больше. На прошлой неделе ездили в Загорск, мы с классом были на экскурсии. На майские ходили в парк Горького, мороженое ели. А вот сейчас восстанавливаем ее день рождения, после пятого класса. Забыли, как чашки стояли, кто где сидел. А для нее это важно. Она убрала руку.

— Я пойду.

Как же это все... Тот ли это мальчик, то ли это место, та ли башня? Порыв ветра, след самолета на сером небе, табличка «Поваровка» на обочине, укрытая от чужих взглядов, — все говорит: скорее всего те. И не становится легче: я как будто ухватил память, этот огромный сизифов камень, и пробую его поднять. Отрываю глыбу от земли — и все, не хватает рычага сделать что-то еще. Но и этого, скорее всего, достаточно.

Я иду на голос: «Господи, неужели ты...» Я теперь все знаю. Я знаю, как тебе все это объяснить, всю эту свою Поваровку. Я поехал туда, потому что боялся постареть, потому что не хотел умереть. И, знаешь, хорошо, что съездил. Теперь я уверен, что никто не умер и никто не умрет. Их голоса поймала листва, дыхание впитала кора, следы застыли на воде болот. Любое место, где они были, отдаст с радостью их улыбки и прикосновения. Не успеешь войти в смешанный, потускневший, но не сдавшийся лес, — две собаки поднимутся из оврага, возвысятся над травой и остановятся на твоей тропинке. Это так ведь просто.

Я спешу к тебе, я взлетаю на наш высокий этаж, распахиваю дверь; я счастлив, я хочу рассказать тебе все, потому что...

Ты выглядываешь из кухни, ты улыбаешься, ты говоришь: — Господи, неужели ты нашел? Ну и каково это?

Фото 70-х годов из архива семьи Копейкиных

Анна Горностаева

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Анна Горностаева, прозаик, лингвист, преподаватель, мама четверых детей:
«Я с детства пишу стихи и рассказы, в пятилетнем возрасте решила, буду писательницей. Но мечта моя сбылась далеко не сразу, поскольку я стала преподавателем, о чем ничуть не жалею: уже 33 года учу студентов МГЛУ английскому языку и культуре, очень люблю свою работу и всех выпускников помню поименно. Еще веду научную работу, изучаю английскую иронию, это невероятно увлекательно. Возглавляю секцию прозы в Союзе литераторов, вместе с коллегами выпускаем литературные сборники, проводим фестивали, семинары и конкурсы. Состою в клубе юмористов и сатириков «Чертова Дюжина», выступаю на концертах со своими юмористическими произведениями. Авторских книг у меня 19: научные монографии, учебники, повести и рассказы, историко-документальная проза».

Клязьма

PASTVU.COM

Лодочная станция на реке Клязьма

PASTVU.COM

Клязьминская просека. 1890–1895 гг.

Местная дачная история началась в XIX веке строительством фабриканта Саввы Мамонтова Московско-Ярославской железной дороги, где напротив небольшого поселения в 1898 году открылась платформа «Клязьма». А спустя пять лет возникло Общество благоустройства дачной местности, стараниями которого появился знаменитый и популярный у московских дачников поселок. Изысканные двухэтажные дачи с террасами и балконами носили названия хозяев: Абрикосовские, Морозовские, Болотовские, Шеффеля. Улицы называли именами писателей и поэтов, художников, композиторов. Клязьма представляла собой тихое дачное местечко, почти вымирающее на зиму, — настоящая патриархальная деревня неподалеку от Первопрестольной.

Сегодня Клязьма — микрорайон подмосковного города Пушкино, находящийся в 29 км от столицы. От начала прошлого века сохранились старинные дачные дома в авангардном стиле деревянного модерна, часть которых когда-то отошла Московскому союзу писателей. Многие литераторы приезжали сюда поработать в сосновой тишине на песчаных берегах одноименной речки: Михаил Кольцов, Илья Ильф и Евгений Петров, Аркадий Гайдар. Михаил Шолохов писал здесь «Тихий Дон», Лев Кассиль устраивал для детей дачников кукольные спектакли. Считается, что прототипом Простоквашино, в котором Эдуард Успенский поселил своих Дядю Федора, Матроскина, Шарика и других героев, стала Клязьма.

ДАЧНИЦА МАРИНА

На даче всегда тепло, всегда лето. Солнце, купание в быстрой неглубокой речке, походы за грибами, веселье. Дача — праздник жизни.

LIFEREALTY.RU

В тот год к нам присоединилась мамина подруга Юля с дочерью Мариной: тетя Юля объяснила моей маме, что вдвоем им будет проще вести хозяйство, а «девчонкам будет веселее». Не думаю, что ленивая тетя Юля, которая проводила дни в шезлонге в саду, сильно облегчила маме жизнь; насчет нашего веселья она точно ошиблась — значительное время мы с Мариной пребывали в печали. О причинах внезапной тоски надо рассказать подробнее.

Марине уже исполнилось тринадцать, на два года больше, чем мне, что означало огромную пропасть, преодолеть которую невозможно. Если я по молодости лет играла с мальчишками в футбол, бегала наперегонки по берегу Клязьмы, прыгала в воду с тарзанки — с громкими воплями под общий одобрительный гогот, то Марина считала себя выше этих ребяческих глупостей. Она не носилась, а прогуливалась степенно и неторопливо, с чувством собственного достоинства, и гордо позиционировала себя как «девушка». Чем отличается статус девушки от девочки, она не сформулировала, но стало понятно: мне этой тайны взрослости не постичь.

Тем не менее, за неимением более достойных наперсников Марина периодически посвящала меня в перипетии юношеских переживаний. Она раскрыла мне глаза, что особи мужского пола западают на «женские прелести». Я сразу поняла, что во мне ничего прелестного нет. Сомнение вызывало и качество прелестей Марины; однако подруга уверила меня, что обладает необходимым набором привлекательных сторон.

Оснований не верить не нашлось — Марина была несомненным авторитетом в моих глазах. Она уже имела опыт просмотра фильмов 16+; из ее туманных намеков я вынесла, что скрытая от меня сторона жизни намного богаче и интереснее, чем могло нарисовать мое неискушенное воображение.

LIFEREALTY.RU

PASTVU.COM

Клязьма. Дача купца Александренко в разные годы

И вот, в один июльский вечер, дверца в страну неизведанного слегка приоткрылась. Вернувшись после вечернего купания, я застала подругу в дальнем углу сада, в слезах, с выражением неизмеримого страдания на лице. На мои расспросы она лишь печально качала головой и молчала. Когда же я решила оставить ее наедине с переживаниями, она принялась рассказывать про свое несчастье.

То, что это действительно несчастье, стало понятно быстро. Бедняга влюбилась. Хуже того, предметом воздыханий оказался сосед Сашка, экземпляр, с моей точки зрения, совершенно не достойный не только любви, но даже легкой привязанности. Во-первых, Сашка был жутко старым: ему уже перевалило за двадцать — в этом почтенном возрасте парни не пригодны ни к игре в казаки-разбойники, ни к вечерним посиделкам у костра с рассказами страшных историй. Во-вторых, сосед был вызывающе некрасив: рыжий, на тонких длинных ногах, да еще с какой-то постоянной противной ухмылкой. Про характер я вообще молчу… Прямо-таки тянет плюнуть на забор, за которым живет человек с таким мерзким характером! Я это проделывала неоднократно.

Но что поделаешь — любовь! На Марину это светлое, но весьма обременительное чувство нахлынуло внезапно, несмотря на всю теоретическую подготовку. Чем я могла помочь? За свои почти одиннадцать лет жизни я научилась многому: лазать по деревьям, плавать с открытыми глазами под водой, прыгать в речку с обрыва, бить морду обидчикам… а вот как вести себя на любовном фронте? Как привлечь внимание долговязого переростка Сашки к соседке по даче?

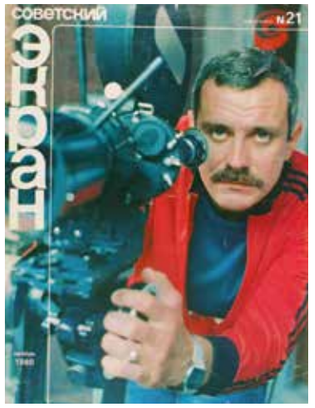
После краткого, но продуктивного мозгового штурма нашими двумя неокрепшими умами было принято решение: надо написать письмо с признанием в любви, чтобы Сашка осознал, какое великое счастье свалилось на него в лице Марины. Мы обе были знакомы с примерами подобного эпистолярного творчества в рамках школьной программы по литературе. Хотя классики уже доказали, что ничего хорошего из любовной переписки не выходит, моя подруга была неумолима в своем стремлении обрести взаимность.

Марина бросилась строчить письмо своему принцу и исписала два тетрадных листа в клеточку. Начиналось послание так: «Глубокоуважаемый Александр! Пишет Вам дачница Марина. Обстоятельства вынуждают меня раскрыться перед Вами…» Дальше следовал подробный рассказ о том, как много усилий приложила автор письма к тому, чтобы победить любовь, но та оказалась сильнее. Живописуя свои страдания, она предлагала адресату либо объединить усилия в борьбе с безжалостной страстью, либо покориться ей — опять же, дружно и за компанию.

Я слабо представляла себе, чем рыжий балбес Сашка может помочь в борьбе с Маринкиной любовью, тем более — каким образом он будет покоряться бешеной страсти, но моих советов не требовалось. На нервном взводе подруга закончила письмо, подписав его «Дачница», и мы побежали к дому Сашки. Перелезть через чужой забор для меня не составляло труда, и Марина на этот раз отбросила жеманные замашки, ловко подтянулась на руках и тоже перемахнула через препятствие, не хуже обычного мальчишки-хулигана. Решено было положить листочки под коврик перед крыльцом, что мы и сделали, предусмотрительно оставив виднеться белый уголок: Сашка увидит, что из-под коврика что-то торчит, поднимет его и обнаружит письмо.

LIFEREALTY.RU

В ту ночь мы обе плохо спали: Марина — от несчастной любви и ожидания, я — от переживаний за подругу. Невольно я тоже прониклась симпатией к Сашке и даже перестала находить его таким противным. Если Маринка его любит, значит, он не так плох. Хоть бы у них сложилось все хорошо!



Обложка журнала «Советский экран»

Что мы обе ждали от утра? Трудно сказать. Наверное, охапки цветов у крыльца. Может быть, оркестр или хотя бы серенаду любви на рассвете под нашими окнами. Сашку на белом коне (или на стареньком мопеде) у ворот с воплями: «Марина! Я люблю тебя!» Я уже обдумывала, как буду объясняться с мамой и тетей Юлей, когда подруга и ее возлюбленный умчатся по пыльной деревенской дороге в прекрасную даль под звуки романтической музыки…

Увы. Утром ничего не произошло — как будто не было выстрадано с болью и нежностью наше любовное письмо. До полудня мы торчали во дворе и ждали. После обеда, расстроенные и возмущенные, мы вышли на улицу и стали прогуливаться мимо Сашкиного дома. Рыжая макушка периодически мелькала за забором. Напряжение росло. На подругу было жалко смотреть: вся ее взрослость и уверенность испарились, уступив место растерянности и обиде. Губы Маринки тряслись, глаза предательски поблескивали от наворачивающихся слез.

К вечеру Сашка вывел на улицу ржавый мопед, вскочил на него как на коня и, крикнув нам с Мариной «Брысь с дороги, шантрапа», укатил в туманную даль.

Так было разрушено большое светлое чувство. Гулять с мальчишками я не пошла, потому что они все предатели, а осталась грустить в компании с безутешной Мариной. В тот же вечер мама увезла меня на несколько дней в Москву по какой-то надобности. Возвращалась я с тревогой: как успокоить разбитое сердце подруги, подло покинутой вероломным Сашкой?

Оказалось, что я переживала зря. Когда мы снова приехали на дачу, тетя Юля и ее дочь пребывали в хорошем настроении и добром здравии. Не успели мы остаться наедине — я принялась сочувствовать подруге и костерить Сашку. Марина повела себя странно: мои жаркие речи прервала, заявив, что сосед ей никогда особенно не нравился, зато теперь она точно влюблена в другого. С загадочной улыбкой Марина протянула мне «Советский экран»: подшивку этих журналов за прошлые годы мама хранила в кладовой — видимо, подруга позаимствовала один из номеров. На обложке красовалась фотография усатого дядьки в обнимку с кинокамерой.

— Видишь? — с придыханием спросила Марина.

— Что — вижу? — опешила я.

— Это он. Моя любовь. Не какой-то там Сашка, это знаменитость!

В тот момент мама позвала нас обедать, и наши разговоры о любви закончились и больше не возобновлялись. В целом, я была рада, что подруга перестала страдать и нашла себе нового, более достойного кавалера, который, конечно же, будет более внимателен к ней, чем балбес Сашка. Остаток лета на даче прошел спокойно.

Много лет спустя мама в разговоре случайно обмолвилась, что соседка, Сашкина мать, как-то нашла в саду под ковриком размокшее от дождя письмо, неизвестно кому адресованное. Вода и грязь размыли строчки, но слова «пишет Вам дачница» читались довольно ясно.

Наталья Рожкова

Наталья Рожкова, поэт, литературный критик, автор свыше 300 публикаций в журналах «Юность», «Смена», «Москва», газетах «МОЛ», «МК», «Литературная газета», «Независимая газета», альманахах «Словесность», «День поэзии» и других сборниках. Стихи включены в антологии «Русская поэзия XX» и «XXI века». Член Союза литераторов РФ, Союза писателей России, лауреат литературных премий. С 2015 года — редактор поэтической рубрики литературного интернет-журнала «Русский переплет».

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Внуково

Платформа «Внуково» была открыта в 1899 году и названа по деревушке, владельцем которой в XVI веке был Семен Нетшин Внук, потомок Рюриковичей через смоленских князей. Одним из участников строительства частной железной дороги от Москвы до Брянска был Карл Федорович фон Мекк, магнат и благотворитель — интереснейшая личность. Например, такой факт — долгие годы он оплачивал лечение художника Михаила Врубеля, назначил его вдове пожизненную пенсию.

В 1930-е годы вблизи железнодорожной платформы государство начинает выделять земли под дачи сотрудникам Минобороны и Министерства иностранных дел, писателям и деятелям культуры. Например, на 50 гектарах земли был образован знаменитый ДСК «Московский писатель». После выхода фильма «Веселые ребята» в 1934 году одними из первых свой гектар во Внуково получили Любовь Орлова и Григорий Александров, Леонид Утесов, Исаак Дунаевский и поэт Василий Лебедев-Кумач. Позднее здесь поселился режиссер-кукольник Сергей Образцов, чья дача, «пруд с крокодилами» и фонарем-колокольчиком, которые он смастерил своими руками, всегда вызывали интерес и хорошо сохранились до наших дней.

«Голос» летящего самолета

Первая в моей жизни дача — в поселке Внуково, сейчас он относится к Новомосковскому округу столицы. Там провела ранние годы, с рождения до восьми лет. До сих пор испытываю волнение, когда слышу высоко летящий самолет — рядом находится аэропорт, звук этот раздавался постоянно.

Деревянный двухэтажный домик с газовой колонкой и участок не принадлежали нашей семье — государственную дачу получил мой дедушка, командарм Станислав Гилярович Поплавский. Он увлекался садоводством, особое восхищение вызывали соцветия люпинов, похожие на розовые, синие и фиолетовые «кукурузки».

По всему поселку вместе с местными ребятишками носились и внуки военных.

Встав на большой пень, заглядываю за зеленый забор с белыми ромбиками, рядом с нашим — дом Павла Ивановича Батова. Сосед выходит в идеально отглаженной голубой рубашке и усаживается с газетой в шезлонг. Две его дочери уже взрослыми девушками часто играли со мной «в подпольщиков» в настоящей брезентовой палатке, угощали малиной, самой крупной и вкусной во всем Внуково.

Под псевдонимом «Пабло Фриц» Павел Батов сражался в Испании на стороне республиканцев, в Великую Отечественную войну был заместителем командующего обороной Крыма по сухопутным войскам, руководил подготовкой армии к Керченско-Феодосийской десантной операции, удостоен звания дважды Героя Советского Союза. Некоторые историки литературы утверждают, что именно Батов стал прототипом генерала Гольца в романе «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя. О нашем соседе рассказано много интересных историй.

Генерал часто вспоминал о своем водителе в Испании Семене Побережнике: «Спас мне жизнь, вынеся тяжелораненым из боя…» Потом он служил в разведке, собирал сведения о боевом составе итальянского военно-морского флота. Когда Семен вернулся в Москву, его обвинили в предательстве и осудили на 10 лет лагерей. Полностью отбыв срок, он нашел Батова. Павел Иванович заставил органы пересмотреть дело разведчика, Семена Побережника реабилитировали, выдали новый «чистый» паспорт.

Однажды я увидела, как из местного магазинчика вышел средних лет мужчина с необыкновенно красивым ирландским сеттером и разрешил погладить своего рыжего красавца по кличке Ункас. Через несколько дней увидев их снова и высунувшись из окошка, я приветливо помахала рукой.

Мама спросила:

— Знакомы?

— Конечно, он — хозяин Ункаса.

Оказалось, что этот скромный человек — великий летчик-ас Второй мировой войны Александр Покрышкин.

Самым роскошным загородным имением обитатели Внуково справедливо считали дачу Любови Орловой и Григория Александрова, построенную по проекту швейцарского архитектора. Прославленная актриса и известный кинорежиссер получили целый гектар подмосковной земли в числе первых — в 1937 году. В гости к звездной паре приезжали Жан Маре, Софи Лорен, Клаудия Кардинале, Федерико Феллини, Марчелло Мастроянни, поэт Джеймс Паттерсон, сыгравший сына главной героини в фильме «Цирк».

Пройдет более 20 лет, и я выйду с ним на одну сцену на литературном фестивале… Мои родители не были лично знакомы с Александровым и Орловой, но всегда с ними здоровались, Григорий Васильевич и Любовь Петровна с улыбкой отвечали.

Еще я очень любила поваляться в огромном стоге сена в соседнем дворе, где находился дом местных жителей, державших домашний скот. Однажды наткнулась на что-то твердое, похожее на камень. Разгребла ароматные травы и обнаружила черепаху, принесла ее домой. Фросе (так мы назвали находку) нравилось жевать тонко нарезанные

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Герой Советского Союза, командарм Станислав Поплавский с внучкой Наташей

листики капусты и пить молоко из блюдечка. Но у нее имелась одна особенность: черепаха постоянно стремилась уйти, со стуком сваливаясь со ступенек крыльца. Мы ловили ее, а она снова куда-то рвалась. Когда настала пора возвращаться в город, родители не разрешили взять Фросю с собой и предложили отнести в детский сад с «живым уголком». Я постелила в корзинку шерстяной платок, посадила черепаху и с грустью отправилась расставаться.

Воспитательница воскликнула:

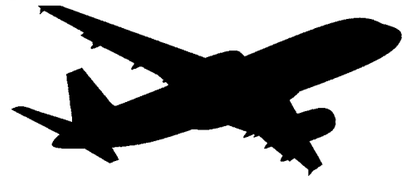
— Да ведь это же наша Тортилла, я ее по царапине на панцире сразу узнала! Она пропала, детишки очень переживали, даже плакали, думали: погибла, под машину попала, или утонула в пруду. А эта беглянка-путешественница каким-то образом прошла около двух километров и спряталась в стоге сена.

Малыши по очереди прижимали к щеке свою любимицу, и Фрося-Тортилла, шевеля лапами, похоже, тоже обрадовалась возвращению в родной дом.

Через много лет, когда я приехала во Внуково, моя дочка спросила: «Помнишь, ты рассказывала, что в последнее лето, проведенное здесь, посадила на участке дерево. Посмотрим?»

На участке высился тоненький, но довольно высокий тополь — тот самый.

Услышала звук самолета, и снова стало както по-хорошему грустно. Почти на всех своих детских фотографиях, сделанных летом, смотрю вверх — слежу за белой тонкой линией на голубом просторе.



Людмила Осокина

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Людмила Осокина — поэт, прозаик, исполнительница собственных песен. Работала корреспондентом и обозревателем, книжным редактором в ИИД «Профиздат». Заместитель главного редактора литературного альманаха «Истоки». Публиковалась в СМИ: «МК», «Вечерняя Москва» «Юность», «Сельская молодежь», «Гудок», «День поэзии» и других. Одно из стихотворений на кофейную тематику — «Принесите мне кофе…» широко разошлось в интернете и было положено автором на собственную музыку:

«Я — кофейная девушка! Я — девушка кофе!
Я бегу мимо вас в городской суматохе.
Мои волосы — мокко, изысканный мокко,
Но мне так одиноко, мне так одиноко...»

Очаково

Сельское поселение на этих землях возникло в XIV веке на речке Навешке, притоке Сетуни, за свою долгую историю сменило много владельцев. С конца XIX века Очаково превращается в дачную местность. Притоку дачников из Москвы способствовало строительство Московско-Брянской железной дороги и железнодорожных станций. По данным на 1911 год, в Очаково было 12 летних дач, церковно-приходская школа и квартира урядника. В первые годы советской власти здесь был организован совхоз, являвшийся одним из крупнейших овощеводческих хозяйств. В 1930-е годы село славилось на всю округу булочной и кооперативным магазином. После войны рядом стал строиться промышленный поселок, в котором к концу 50-х годов проживало более 20 тысяч человек. В 1956 году здесь был пущен в эксплуатацию крупнейший по тем временам в Подмосковье завод железобетонных изделий. В 1960 году Очаково вошло в черту Москвы, став районом массового жилищного и промышленного строительства.

PASTVU.COM

Дачное село Очаково в 1960-х

Очаково в начале 2000-х

ПУСТЬ СЕБЕ ПЛЫВУТ...

А сегодня вода 26 градусов!

Искупалась в озере после загорания. Плавала недалеко от берега. С середины озера приплывает мужчина и довольно так говорит, обращаясь ко мне: «Сегодня вода очень теплая, 26 градусов. Вот!» — и достает из… (хотела сказать, «широких штанин», но какие штаны при купании?), короче, откуда-то достает водный градусник и демонстрирует его мне. Однако! Я немного оторопела: так и плавал, что ли, с градусником в трусах? Он стал вылезать на берег, а я смотрела ему вслед, мне хотелось узнать, откуда он его вытащил. Оказывается, на нем были надеты специальные шорты с карманами, так что было куда положить этот предмет.

PASTVU.COM

OCHAKOVO.LIVEJOURNAL.COM

статочно опасны, от них можно подхватить всякие болезни, в том числе и кожные. Поэтому и предостерегала эта баба свою подругу, чтобы близко к ним не подплывала. Ну а та, похоже, пофигистка, и на фиг ее послала с ее заботой, вместе с утками.

Купание утки

Через некоторое время опять проходила на прогулке по другой стороне озера. Там крутые берега, заросшие травами, кустами, деревьями. И вот в одном месте я заметила сквозь просвет среди деревьев и кустов утку. Утка как утка, ничего в ней особенного не было, кроме одного: она купалась! Утка была в этот момент одна на водной глади, поэтому решила воспользоваться таким удобным моментом и искупаться. Вы подумаете, наверное, как это — искупаться? Утки и так весь день на воде и в воде, и купаются они таким образом почти всегда, автоматически. Они все время роются клювами в воде и что-то там выискивают, ну, и заодно купаются. Но тут утка ничего не выискивала, она именно купалась и наслаждалась этим. Она взрывала клювом поверхность, уходя с головой под воду, и этой водой потом оплескивала себя. Делала так снова и снова, потом еще кружилась по водной глади, взмахивая крыльями и поднимая над собой кучу брызг. Это было именно купание, а не поиск пищи или равномерное скольжение по воде. Купание для собственного удовольствия! Ай да утка!

Я полюбовалась на нее и пошла дальше.

Пусть себе плывут...

Искупалась в озере, вышла на берег. А в воду в это время вошли две женщины в возрасте, ЗОЖницы, наверное. Вошли и поплыли потихоньку. Тут одна другой говорит: «Подожди, вон утки к тебе плывут, целая стая. Подожди, пусть проплывут». Другая говорит: «А что мне утки? Пусть себе плывут. Что мне утки?» Я засмеялась про себя. Смелая баба, что мне утки, говорит. Не парится в плане уток. Ну, та, другая, не просто так это сказала. Утки в озере достаточно опасны, от них можно подхватить всякие болезни, в том числе и кожные. Поэтому и предостерегала эта баба свою подругу, чтобы близко к ним не подплывала. Ну а та, похоже, пофигистка, и на фиг ее послала с ее заботой, вместе с утками.

Сюжеты из новой книги «Очаковский пруд и около»

Евгений Обухов

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Евгений Обухов, писатель-сатирик, лауреат многих литературных премий и конкурсов:
«Всю жизнь занимаюсь тем, чему не учат ни в одном вузе: филателией и юмористикой. Был зав. отделом юмора "Литературки", а недавно после выхода на пенсию с поста главного редактора журнала "Филателия", обрел свободное время, чтобы плотнее заняться любимыми делами: филателией и юмористикой. Обычный автор двух десятков книг прозы, стихов и полутора десятков книг по вопросам коллекционирования... Многие свои рассказы, когда пишу, мысленно привязываю к какому-то месту. В данном случае это дачный поселок с красивым названием Томшина Гора, Рузского района».

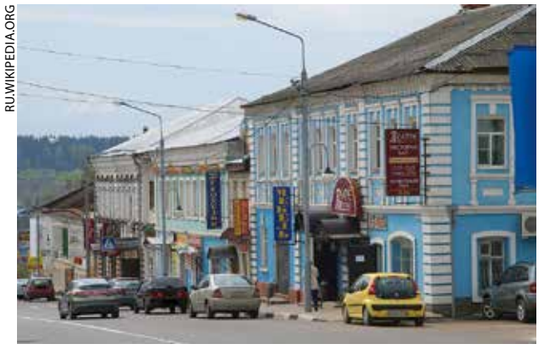
Руза

Город Руза, расположенный в 88 верстах на запад от Москвы в бассейне рек Москвы и Рузы, славным заслугам которого как несокрушимого западного рубежа Московского княжества обязаны обе столицы Российского государства. Условной датой образования является появление завещания князя Ивана Калиты, существующее в двух вариантах — 1328 и 1339 годов), где впервые встречается название «город Руза».

RUZAMUZEUM.RU

Руза в 1909 году

История дачных поселков в Рузском районе — это интересное смешение от советских «стародачных» мест для творческой и научной элиты до масштабных современных коттеджных проектов. Раньше Томшина Гора была небольшой деревней. По воспоминаниям местных, в ней насчитывалось примерно 15–20 дворов. Жители занимались ремеслами: например, здесь валяли валенки, а еще был скорняк, который выделывал звериные шкуры. В центре деревни на самой горе стоял колодец — по рассказам старожилов, вода в нем всегда была необыкновенно вкусной. В 1970-х годах деревню признали «неперспективной». Молодежь уезжала в Москву, стариков переселили в другие населенные пункты. Жизнь в Томшиной Горе постепенно замерла. В конце 1980-х годов на этой территории организовали садоводческое некоммерческое товарищество (СНТ) «Томшина Гора». В 1990-е годы совхоз продал оставшиеся земли под дачи. Сейчас здесь тихое и комфортное место для загородного отдыха.


RU.WIKIPEDIA.ORG

Современный город Руза

ЗА ОРЕХАМИ

С соседкой Верой Григорьевной прямо с утра в честь начала наших отпусков ягоды собирали. Я — малину со своей стороны дачного забора, а она — смородину, со своей. Так полчаса, наверное, прошло — она говорит:

— Послушайте, Игорь, а сходите со мной за орехами. Я одна в лесу боюсь. Зато потом как хорошо — в пятницу вечером к вам жена после работы приедет, ко мне муж, и мы их, уставших, орешками и угостим!

Через час мы возле пруда встретились и пошли. Я говорю:

— Не жарко оделись-то — сапоги, джинсы?

— Вы разве телевизор не глядите? Передавали, сколько клещей, ужас! Опасаться надо! Вы тоже поаккуратней, Игорь!

Орехов в лесу, и правда, полно. Мы по целой сумке напушили. Вернулись, я Вере Григорьевне помог тяжесть в фазенду затащить. Она говорит:

— Постойте, Игорь. Мне всю обратную дорогу мнилось, что по спине ползает кто-то. Не клещ ли? Поглядите, пожалуйста. По телевизору, ну, где про клещей-то, говорили, что после леса надо взаимно осматриваться, для профилактики.

Осмотрел я у нее спину, плечи, живот осмотрел… Еще что смог осмотрел для профилактики. Нигде никаких клещей.

Но было уже поздно.

На другой день — вторник — молóчку привозят. Но я проспал, пока пришел — ни дачников, ни молока с творогом, одна продавщица в белом халате в прицепе сидит, трактор из деревни ждет. Я говорю:

— А чего грустите-то, все продали, вон как хорошо!

— Ага, кому хорошо, а кому не очень. Утром на ферме корова боднула, небось теперь синяк сзади на ноге. Поглядите-ка, мне не видать.

Стал я у нее синяк искать, всю ногу осмотрел — нету ничего.

Но было уже поздно.

Назавтра, в среду, купаться пошел. Гляжу — на лугу жигуленок пасется, а вокруг дама бегает.

— Вы, — говорит, — в машинах понимаете? Меня Лена зовут. Наверное, днище, что ли, я пробила. Или, что ли, масло вытекло. Не посмотрите?

Лег я на травку, заполз под машину. Лена следом залезла, легли вдвоем, с фонариком. Смотрели, смотрели — ну, ничего, никаких повреждений. Вообще. То есть, совсем не тут причина поломки.

Но было уже поздно.

В четверг из Облэнерго одна пришла, вся в летнем, показания со счетчиков снимать. Заглянула в блокнот:

— Игорь Денисович? У вас лесенка есть?

Принес я лесенку, приставил к стене, она полезла, вся в летнем. Я снизу страхую. Она с верхней ступеньки смеется:

— А чего я залезла-то? У вас не тут, что ль, счетчик?

— Да нет, — говорю, — не тут, вы ж не спросили. Уж лет десять, как вон на террасе внизу.

То есть, вроде как и не нужно ей было на лестницу лезть, всей в летнем-то, а мне снизу страховать.

Но было уже поздно.

В пятницу такси вызвал — на станцию ехать, жену с электрички встречать. Приехала таксистка, сейчас много женщин в радиотакси работает. Выехали мы за ворота садового товарищества, она скорость прибавила, хорошо так прибавила, а потом руль бросила и давай в зеркальце прическу поправлять. Я, конечно, не растерялся — как рыпнулся, таксистку обхватил с двух сторон, до руля дотянулся. А она хохочет:

— Что вы нервничаете, я с ваших дач не первый раз людей вожу и на этом участке совершенно спокойна — какую скорость ни возьми, машина никуда из колеи не денется!

Я тоже рассмеялся, осознав свою оплошность, стал руки с руля и с таксистки убирать.

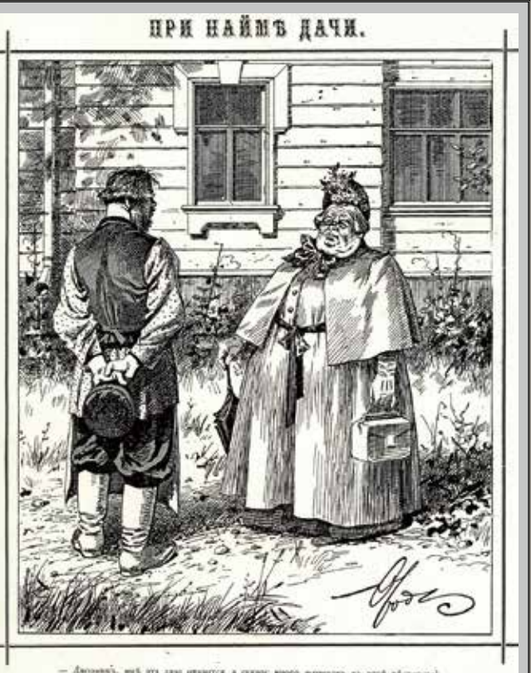
Но было уже поздно.

В общем, жену я приехал встречать, когда уже поздно было. Она сама на попутке до дачи добралась. Сидит за столом, фундук молоточком долбит. Крепко так долбит, громко, от души. Ох, и досталось мне на орехи!

ДАЧУ ИЩУТЪ.

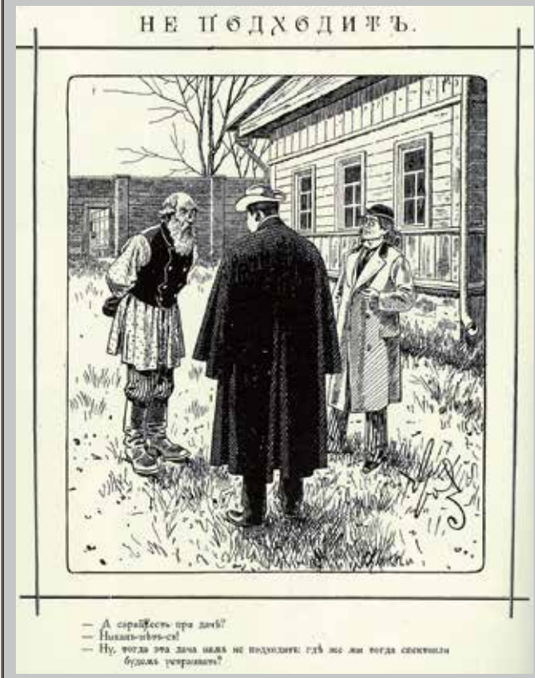
— Тише, окаянные! Тише, разбойники! Руки имъ повывихните!
— За то дачку первый сортъ наймете, вашимъ свѣтлостямъ ампральскій павильонъ на манеръ египетской пирамиды съ воздушнымъ замкомъ, рапирой и четырьми гайдарами

ПРИ НАЙМѢ ДАЧИ.



— Дворникъ, вѣдь эта дача нравится, а сколько много мошекъ въ этой мѣстности!
— Какъ собакъ, сударыня, какъ собакъ! Даже, пожалуй, больше.
— Но я тутъ пока не вижу ни одной собаки.
— Вотъ и это самое и говорятъ мошекъ — какъ собакъ, столько-нѣтъ почти нѣтъ!

НЕ ПОДХОДИТЪ.



— А сарайчикъ при дачѣ?
— Имѣлъ-имѣлъ-съ!
— Ну, тогда эта дача намъ не подходитъ: гдѣ же мы тогда свиньямъ будемъ умираніе?

ДАЧНЫЕ СПОРТСМЕНЫ.

— Павелъ Ивановичъ, за кѣмъ вы собственно ловили на охотѣ? За тетушкой!
— Нѣтъ, только за ней!—а самоваръ, а думаю, пока отпросишь...

Экспедиция:

историческая, газетно-журнальная...

Лариса Шамикова

Лариса Шамикова, журналист, издатель, редактор серии книг по истории культуры, искусства, медиа. Главный редактор ряда СМИ: журналов «Персона/Persona» (1996–2011), «КупавнаZine», газет «JC», «ЗАОбщие интересы», «Удобные Раменки» и других), зампред МГО СЖР, купавинская дачница с 1976 года: *«Купавна — многолетнее место притяжения. Фанзин (fan magazine (англ.) — фантазийный или фанатский журнал, сокращенно "зин") — территория творческой свободы, удовольствие от соавторства, малотиражное некоммерческое печатное издание, которому, взяв в руки, просто радуешься».*

ВЛАДИМИР ВОРОНОВ

ДАЧНАЯ ПРЕССА ОТ... И ДО...

С удовольствием читая художественную и мемуарную прозу, публицистику и поэтические впечатления о современной дачной жизни, любопытно было познакомиться с предшествующими ей материалами «дачной прессы», наиболее доступных и, надеюсь, достоверных очевидцев событий и сюжетов более 300-летней истории. Да, с цифрой я не ошиблась, что подтверждают фонды национальных библиотек. Вполне вероятно предположить, что в первой российской газете «Ведомости о военных и иных делах...», издаваемой с 1703 года, редактуру которой Петр I высочайше возложил на себя, публиковались новости бурного строительства вдоль дороги из Петербурга в Петергоф придворных резиденций — «дач» для элиты того времени. Ведь император с большим пристрастием относился к последующей судьбе своих и указов, и даров. Неслучайно слово «дача», возникшее в русскоязычной лексике в начале XVIII века как определение сезонного загородного жилья, не имеет аналогов в других языках.

Станислав Жуковский «Брошенная терраса», 1911 (Тульский музей изобразительных искусств)

«Простота, гостеприимство со стороны хозяина, скромность со стороны гостей»

Газетно-журнальный бум начался в России в 1860-х годах, после введения Александром II законов «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» и «О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях». Газетчики стали делать большие ставки на дачную жизнь, оказавшуюся самодостаточным явлением с устоявшимися традициями и обычаями, что вызвало к жизни обильную дачную прессу. В 1885 году в Москве приложением к иллюстрированному семейному журналу «Радуга» появился первый журнал под названием «Дачная жизнь». Редакция ставила задачу охватить разные стороны загородной жизни. Дачная хроника — новости из конкретных поселков, описание быта и нравов. Практические советы — как обустроить участок, разбить сад или огород, соорудить купальню. Рецензии — на спектакли в дачных театрах, танцевальные балы, спортивные состязания. Литературные материалы — рассказы, стихи из дачной жизни, сатира. Раздел происшествий — заметки о забавных или курьезных случаях из дачной жизни. Даже «дачный этикет», где говорилось: «Дачная жизнь может быть определена тремя словами: простота, гостеприимство со стороны хозяина, скромность со стороны гостей».

PASTVU.COM

Дачный поезд «Кукушка», Петергоф — Ораниенбаум, 1894 год

Владимир Кадулин, 1910-е годы

Бумажные оригиналы этого издания, видимо, уже не сохранились, в отличие от самой «Радуги», еженедельно издаваемой в конце XIX века, которую еще можно приобрести на аукционных интернет-площадках.

Дачные сезоны

Взлет дачной прессы ежегодно возрождался с началом летнего сезона и переездом общества за город. В дореволюционном Петербурге издавались: «Северный дачный листок» (1904), «Дачная газета» (1908), «Дачный курьер» (1908), «Дачник» (1909), «Дачная жизнь» (1911), «Дачница» (1912).

В Москве — «Дачный вестник» (1899) и «Дачник» (1912). Издания выпускались как в виде дорогих типографских газет и журналов, редакции которых находились в столицах, так и рукописных и гектографированных листков. Предпринимались попытки продолжить издание дачных газет и после завершения традиционного летнего житья. Из газеты «Дачница» известно, что редакция планировала после окончания дачного сезона издавать газету «Зимница», ориентированную, видимо, на «зимогоров» (исключительно петербургское определение людей, живущих на дачах круглый год).

Многие издания не переживали больше сезона. Например, газета «Дачная жизнь» издавалась только в 1911 году, а «Дачник» выходил на протяжении нескольких месяцев 1909 года, первый номер появился 1 мая, а последний 30 августа. Дачная пресса продавалась в магазинах, лавках, библиотеках и на вокзалах. А можно было подписаться, тогда рассыльные доставляли газеты по дачам. Стоимость подписки зависела от продолжительности и перио-

дичности, сезон в 4–5 месяцев обходился в 1 рубль 20 копеек, обычный номер стоил от 3 до 7 копеек.

„Дачникъ".
Первый номеръ газеты „ДАЧНИКЪ" выйдетъ въ Пятницу 1 (14) Мая 1909 года.
Съ 1-го Мая 1909 года выйдетъ въ свѣтъ
ЛИТЕРАТУРНАЯ И СПРАВОЧНАЯ ГАЗЕТА
„ДАЧНИКЪ".

Газета «Дачник», 1909 год. Из фондов Российской национальной библиотеки

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ
общественно-политическая и литературная газета съ иллюстрациями.
ВЫХОДИТЬ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.
ОПЕРА
БѢЛАЯ НОЧЬ.
КОНЦЕРТЪ.
Наши дачи

Газета «Дачная жизнь», 1911, № 1. Из фондов Российской национальной библиотеки

Дачный муж

В любой дачной газете непременно существовал литературный отдел, где печатались рассказы, стихи из дачной жизни, а также сатира и разного рода сенсационные произведения. Так, на страницах «Дачника» появлялись «Атлет-убийца» — «новейший сенсационный уголовный роман», «Тысяча одна страсть, или Ужасная ночь в Озерках» — «потрясающий роман в одной убийственной части без пролога и эпилога». Юмор был неотъемлемой частью любого дачного издания: фельетоны, анекдоты, нелепые объявления, карикатуры, авторы любили пошутить над загородными жителями. Объектом сатиры на страницах дачных газет зачастую становились «дачные мужья», отправившие семьи на дачу и вынужденные каждое утро ездить на службу, а вечером возвращаться обратно, нагруженные всевозможными узлами и кульками. Не даром в ходу была пословица: «Кто на даче не живал, тот и кульков и не таскал». Отцы семейств, кто не хотел или не мог позволить себе отдыхать весь дачный сезон, выбирали домик неподалеку от железнодорожной станции. Дорога в город отнимала в среднем не более часа. Хотя вечернее возвращение к домашним порой становилось испытанием тяжелым во всех смыслах. Порядки на российских железных дорогах того времени устраивались на «западный манер». Пригородные поезда останавливались на дачных полустанках ровно на полторы минуты, за которые пассажиры, обремененные покупками, должны успеть выбраться. Но если европейские вагоны имели выходы из каждого купе, то дачные «кукушки» суетливо покидались незадачливыми дачниками через единственный тамбур, что было весьма проблематично.

Автором термина «дачный муж», обозначающего бедолагу, ежедневно разрывающегося между работой в городе и семьей на даче, был писатель Иван Щеглов, чья комедия «Дачный муж» в 1880-х годах полюбилась петербургским зрителям. Но почему-то в Москве эта пьеса принималась холодно, что странно, ведь москвичи считались заядлыми дачниками, как и жители северной столицы. Зато термин очень нравился писателю Антону Чехову, неоднократно употреблявшему его в личной переписке. «Дачными мужьями» становились те, кто не мог одновременно снимать и дачу, и квартиру. Если же средства позволяли, то обеспеченные господа в рабочие дни ночевали в городе, а на дачу приезжали по праздникам и выходным. Таких называли «шампаньоликами» — предполагалось, что вдали от жены играют в карты и пьют шампанское.

На лонѣ природы.

Сатирический журнал «Осколки» № 21, 1884 г.

Будильникъ № 22
ДАЧА И ЕЯ РАБЫ.

Будильникъ № 23
Дачная саранча.

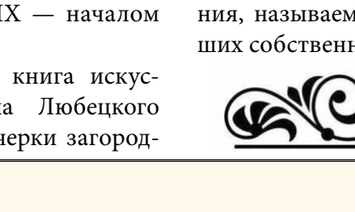
Будильникъ № 16

Дачный досуг

А чем в это время занимались остальные члены семьи? Если верить мемуаристам — изнывали от тоски, что в определенной степени лукавство. Развлечений на дачах было много. Это купания, спортивные игры и велосипедные прогулки, чаепития с соседями, литературные чтения и танцы, театральная самодеятельность. Позже — даже синематограф. Отдельная тема — дачные романы, смотрины невест и женихов, любовные увлечения. При этом дачники любили фотографироваться, поэтому там открывались летние отделения фотографии. Отсюда огромный фонд дореволюционных загородных снимков (и портретных, и интерьерных), плодовито используемый современными издателями красочных альбомов и блогерами в соцсетях.

Кроме коллекций фотографий и печатной прессы, источниками информации о жизни на дореволюционных дачах стала не только художественная литература и мемуары, но и многочисленные справочники-путеводители, датируемые концом XIX — началом XX веков.

Самой известной считается книга искусствоведа Сергея Михайловича Любецкого (1809–1888) «Москва дачная. Очерки загородной жизни конца XIX века», вышедшая в 1880 году, — подробный рассказ о дачном быте, ставшем неотъемлемой частью русской культуры. Выйдя в отставку в конце 1850-х годов, Любецкий полностью посвятил себя литературной деятельности, создав первую и непревзойденную историю дач Подмосковья, которая переносит читателя на полтора столетия назад. Возможность заглянуть в знакомые места, еще не застроенные бетонными коробками, а как когда-то — полностью зеленые, уютные и тихие.


С. М. ЛЮБЕЦКИЙ
МОСКВА ДАЧНАЯ
Очерки загородной жизни конца XIX в.

Обложка книжки-путеводителя С.М. Любецкого «Москва дачная. Очерки загородной жизни конца XIX века»

Дачная жизнь сегодня — тема необыкновенно популярная. Особая заслуга принадлежит издателям, выпускающим современную литературу, переиздающим классику и уникальные репринтные издания. Сетевым авторам, исходившим и объездившим дачные окрестности вдоль и поперек, публикующим в интернете бесчисленную массу историй, фактов и мифов, сопровождаемых собственными и чужими фотографиями и видео. И, конечно, совсем новому виду дачников из поколения, называемого «зумерами», уже придумавших собственный термин — «дачный вайб».

САТИР СВОБОДНОЙ ПЕЧАТИ – ЕВГЕС ПОЦЕЛУЕВ

«Мы все в настоящее время живем дачной жизнью.

Это нечто временное — преходящее.

С верху течет. С боков дует.

Здание далеко не прочное.

Того и гляди развалится.

Словом — не сладкая жизнь.

Мы переедем в простое здание, где не будет дуть и течь.

Мы надеемся, что в новом здании жизнь будет свободнее.

Нами не будут помыкать "дворники", которым за это еще нужно платить.

Мы надеемся на лучшее, что дворники будут поставлены в границы.

И мы будем иметь право на голоса во всех делах, касающихся нашей жизни.

Не век же нам мучиться. Так всякое терпение может лопнуть.

Одно утешение — законы природы.

По этим законам летний сезон недолговечен.

А следовательно, и дачной жизни скоро конец.

Хотя "люди" и пробуют бороться с природой —

Но природа должна одолеть "человеков" и доставить желанное людям.

С.-Петербургъ, 1905 г.

Мы всѣ въ настоящее время живемъ дачной жизнью.
Это нѣчто временное—преходящее.
Съ верху течетъ.
Съ боковъ дуетъ.
Зданіе далеко не прочное.
Того и гляди развалится.
Словомъ—не сладкая жизнь.

LIBCAT.RU

Евгений Сно играет на цитре

Природа — справедлива. И так мы надеемся на лучшее будущее!

Надежды юношей питают, отраду старцам подают!..

Дачной жизни — скоро конец! Ликуй, читатель!

Может быть, из тебя выработается гений.

"Гений —это терпение".

И утешайся тем, что здание, в котором ты обитаешь, не прочное.

С верху течет. С боков дует.

Терпи, казак, — атаманом будешь!»

(Санкт-Петербург, 1905 г.)

В 1905–1906 годах в Санкт-Петербурге выходила серия еженедельных 8-полосных выпусков под редакцией Евгеса Поцелуева с разными названиями: «Поцелуй», «Портфель», «Кинематограф», «Харакири», «Комары», «Белые ночи», «Кинь-Грусть», «Утки», «Зеркало», «Крокодил», «Хулиганы». Издания, имеющие свободолюбивый и саркастический характер, высмеивавалиобщественныепорокиибюрократию,освещали значимые события времени. Например, «Крапива» позиционировалась как «обжигающая людей дурного характера и приятная для образцовых мужей и жен».

ИЗ ФОНДОВ ГПИБ

ИЗ ФОНДОВ ГПИБ

ИЗ ФОНДОВ ГПИБ

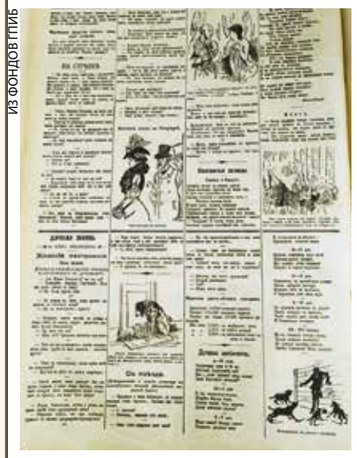
В подготовке «№ дачного, надеемся, что удачного», отличавшегося многообразием сатирических жанров, злободневных карикатур и радикальным юмором, участвовали известные литераторы и художники. «Дачная жизнь» под редакцией Евгеса Поцелуева напрочь опровергает устоявшееся мнение об аполитичности и обывательской терпимости изданий, освещавших сезонное летнее бытие, обязательный удел которого — праздность и скука загородных жителей.

С трепетом переворачивая хрупкие пожелтевшие страницы единственного экземпляра, сбереженного специалистами Государственной публичной исторической библиотеки, я увидела в дореволюционном «печатном органе неудачной жизни для всех и каждого» творческую страсть, иронич-ную полемику и неизбывные надежды авторов на грядущие перемены. И неожиданно актуальность многих журналистских и художественных материалов.

Евгес Поцелуев — творческий псевдоним журналиста Евгения Эдуардовича Сно (1880–1941?), этнографа, журналиста, редактора, издателя, прозаика, поэта. Автора популярных биографий: «М.В. Ломоносов» (1900), «Отважный путешественник Фритиоф Нансен» (М., 1900), «Жизнь и путешествия Н.М. Пржевальского» (Х., 1901), «Генри Стэнли, его жизнь и путешествия» (Х., 1901), этнографических очерков: «Цыгане» (СПб., 1902), серии «Рассказы о родной стране и ее обитателях» (СПб., 1904), «В степях и садах Украины. Малороссы», «За уральским хребтом. Сибирские инородцы», «На западной окраине. Поляки и литовцы», «На русском приволье. Великороссы», серии «Государства и народы Европы» (СПб., 1906).

Перед революцией 1905 года за публикацию в сатирическом журнале «Дятел» антиправительственных материалов Евгений Сно был осужден на тюремное заключение, а в дальнейшем подвергался арестам за дерзкие выпады в адрес царской семьи. Юмористика Сно,

ИЗ ФОНДОВ ГПИБ



Маленькая уютная дачка изящной архитектуры, особенно удобная для молодой четы.

Мученики дачной жизни.

(Наброски).

— Посовѣтуй, братецъ, какъ мнѣ отучить гостей ходить ко мнѣ на дачу обѣдать?!
— Очень просто: обѣдай въ четыре часа ночи.

VII—VIII вечера.

Ну-съ, госпожа! теперь готово.
Прошу покорно начинать!
Не тратьте времени златого.
Семенъ Семенычъ! Вамъ сдавать!

Возвращеніе съ дачнаго свиданія.

подчиняясь в основном законам «индустрии смеха», порой стилистически неоднородная, ориентировалась не только на «высокие» литературные образцы, но и стереотипные способы добывания усредненного комического эффекта юмора массового, «вокзального», «пляжного», «банного». Он часто прибегал к вольным политическим намекам, используя разнообразные жанры (фельетоны, анекдоты, пародии, эпиграммы), «клеймил» и «поносил» существующий строй.

Писатель написал шесть строчек о скотах.
Редактор, сохранить желая шкуру,
Две замарал из них, оставив на свой страх
все остальные.
Вот в цензуру издателя те строки держат
путь —
Изъял тотчас еще две строчки…
Ну, а типограф лишь взглянуть успел,
потребовал примочки,
Глубоко, искренно вздохнул и уцелевшие,
конечно, зачеркнул,
Поставив на их место точки…
Читатель дорогой! Сие стихотворенье
прочти внимательно.
Свободная печать нас приучила обличать
Скотов без тени сожаленья.

После 1917 года жизнь и творчество Евгения Эдуардовича Сно сложились непросто, но он не бросил писательского труда. Не эмигрировал, а оставаясь в Советской России, пытался адаптироваться к меняющимся реалиям. В 1920-е годы Сно продолжал активно писать и публиковаться — чаще в периодической прессе, иногда выпускал отдельные книжки. В его работах по-прежнему были заметны ирония и интерес к бытовым деталям, хотя политический контекст эпохи, конечно, влиял на темы, сместив авторский фокус. Если раньше он был широко известен как жесткий сатирик, то в советские годы больше обращался к другим жанрам, создавал очерки и даже пробовался в детской литературе, где также с иронией описывал новые советские реалии и нравы. А иногда довольно остро, что в условиях ужесточившейся цензуры создавало риски. В разные годы Сно работал редактором в периодических изданиях, занимался составлением научно-популярных сборников. Как и многие представители старой интеллигенции, и в творчестве, и в быту он сталкивался с непониманием, а порой с прямыми репрессивными преследованиями. В конце 1930-х годов над 70-летним журналистом нависла реальная угроза. В начале войны его арестовали. В соответствии с тогдашними реалиями след Евгения Эдуардовича вскоре потерялся — по наиболее распространенной версии, поддержанной семьей, Сно в заключении сразу умер. Официально датой смерти биографы указывают 1941 год.

К сожалению, в наши дни даже в фондах крупнейших федеральных библиотек сложно найти оригиналы сатирических проектов под редакцией Евгеса Поцелуева, которые известны преимущественно по аукционным лотам.

Благодарю Михаила Дмитриевича Афанасьева, директора Государственной публичной исторической библиотеки, за помощь в подготовке материала

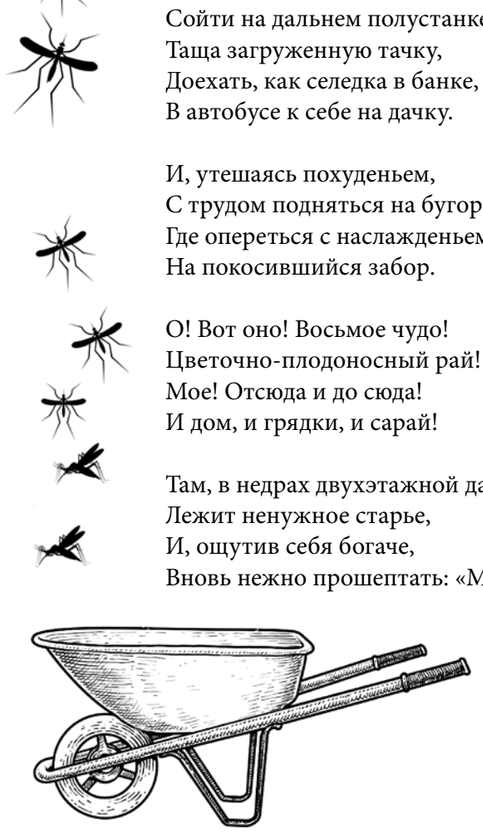
Елена Лещенко

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Елена Лещенко, поэтесса, автор сборников стихов и песенных дисков, лауреат и дипломант конкурсов и фестивалей авторской песни. Участница передачи «В нашу гавань заходили корабли». Поэтическая пьеса автора «Шпингалет» вошла в лонг-лист международного конкурса драматургов «Действующие лица», член Союза литераторов России и Клуба сатириков-юмористов «Чертова дюжина»:

«...Нас поднимала над землей любовь и нежность,
Мы понимали облака, их безмятежность.
И понимали, как весь мир устроен мудро.
И было лето, был июнь, и было утро...»

ДАЧНЫЙ ЭКСТАЗ



Какой восторг, забыв о пробках,
Мчать в загородной электричке,
И тормозя на остановках,
Вжать чью-то ногу по привычке!

Сойти на дальнем полустанке,
Таща загруженную тачку,
Доехать, как селедка в банке,
В автобусе к себе на дачку.

И, утешаясь похуденьем,
С трудом подняться на бугор,
Где опереться с наслажденьем
На покосившийся забор.

О! Вот оно! Восьмое чудо!
Цветочно-плодоносный рай!
Мое! Отсюда и до сюда!
И дом, и грядки, и сарай!

Там, в недрах двухэтажной дачи,
Лежит ненужное старье,
И, ощутив себя богаче,
Вновь нежно прошептать: «МОЕ!»

Пусть этот рай не идеален,
Шесть соток — это не гектар,
Но вид из окон южных спален
Как на планете «Аватар»!

Конечно, комарье кусает,
Порой здесь отключают свет,
Картину мира нарушает
И дурно пахнущий клозет.

Но как приятно спозаранку,
В неописуемой тиши,
Нарвать тайком малины банку
С кустов соседа, у межи!

Умыться ключевой водою
(ну ладно, пусть не ключевой,
А из корыта, дождевою),
Попить чайку, и… (Боже мой!)

Какой восторг навоз таскать
Под сонный щебет ранней птички!
Из грядок корни извлекать
С дотошностью математички!

А к вечеру, пытаясь встать,
На грабли опереться ловко,
И перед тем как отдыхать,
Полить огурчики с морковкой!

Приятно, после стольких дел,
Намылиться под летним душем,

Покуда бак не опустел,
Успеть промыть глаза и уши.

И, растопив дровами печку
(газ проведут через семь лет),
С тушенкой приготовить гречку
Себе на ужин и обед.

Жуя, о буйстве криминала
Пересмотреть от сих до сих
Программу первого канала,
За неимением других.

Какое счастье, наконец,
Упасть на койку с легким стоном,
Намазав ноющий крестец
И плечи на ночь «финалгоном»!

...Под утро, комариным роем
Искусанный куда попало,
К тому ж, страдая геморроем,
Во двор прошаркаешь устало.

И вдруг заметишь, как мелькает
В тени зеленого убора
Сосед! Он нагло обрывает
Твой куст малины у забора!

Поймать мошенника с поличным,
Потребовав взамен варенья!
И, с настроением отличным,
Добавить: «И еще соленья!»

В воскресный день, достав заначку,
На будущие выходные
Купить еще навоза тачку
И чернозема полмашины.

Закончив выходных заботу,
Варенья уложив любя,
Вздохнуть: «Эх, завтра на работу!»,
Тайком ликуя про себя.

И, закрывая дверь сарая,
Подумать: «Вот бы был кошмар,
Когда бы не шесть соток рая,
А рай размерами с гектар!»

Кряхтя, ладошкой потирая
Натруженную поясницу,
Под горку скорость набирая,
Спешить домой! В Москву! В столицу!

Какой экстаз опять вдыхать
Угарный газ, вернувшись в пробки!
И думать: «Чтоб в саду пахать,
Нужны, пожалуй, подработки…»

Юрий Викторов

ИЗ АРХИВА АВТОРА

Юрий Викторов (литературный псевдоним Юрия Пароева), иронический поэт, автор книг «Вы у меня посмеетесь» и «С нахальным выражением лица». Лауреат фестивалей и премий «Ерш», «Русский смех», «Золотой теленок» «ЛГ», «Золотое перо Руси». С 2021 года член редколлегии книжной серии «Антология Сатиры и Юмора России XXI века»:

«Мозгом я не пятый с краю
В девятнадцатом ряду —
Я любой сканворд решаю,
Даже прямо на ходу!
Я еще в очках и лысый,
То есть весь мой внешний вид
Демонстрирует, что мыслю
И что очень башковит».

ЛЕТНЕЕ

…С утра взрыхлить пятнадцать грядок,
Дать удобрения кустам,
В сарае навести порядок,
По кучкам размещая хлам.

Червя лопатой размножая,
Почувствовать себя Творцом,
И, как философ размышляя,
Понаблюдать за огурцом.

Потом набрать навоза в тачку
И разбросать на огород,
Прогнать приблудную собачку,
Что орошает корнеплод.

С соседом пьяненьким повздорить,
Что громко музыка орет,
И за обедом тяпнуть с горя,
Что некультурен наш народ.

А вечером докушать водку,
Поскольку так заведено,
И под картошечку с селедкой
Болтать с женой про «гуано́».

А утром вновь навоз и вилы
И множество работ в саду…
А комары — как крокодилы,
Почуявшие вдруг еду.

И с чувством удовлетворенья
По пробкам двинуться в Москву,
Везя домой для угощенья
Пучок петрушки и моркву.

И это все — не принужденье,
Не рок, не злой эксперимент…
Какое странное явленье —
Российский дачный уик-энд!

Валентина Хлистун

Валентина Хлистун, блогер, колумнист издания Sobaka.ru, эксперт по деловому и светскому этикету.

ИЗ АРХИВА АВТОРА

СЕКРЕТЫ ДАЧНОГО ЭТИКЕТА

Есть особая категория неловкостей, но именно та, что порой случается на даче у друзей или родственников, может не только подпортить настроение, но и всерьез испортить долгосрочные дружеские отношения. И чтобы снова получить приглашение на праздник свободного отдыха на природе, желательно не нарушать проверенный временем этикет гостеприимства.

Начинается всегда прекрасно: солнце, шашлыки, смех, фото на фоне заката. А заканчивается тем, что кто-то уехал обиженным, например, чья-то клумба пострадала от детского мячика… И хозяева вздыхают с облегчением, закрывая за гостями ворота. Часто ни они сами, ни их гости не понимают, что пошло не так, ведь «все просто отдыхали». На самом деле, за этим «просто» всегда стоит набор негласных правил, которые определяют, станет ли встреча теплым воспоминанием или поводом для шуток, не всегда безобидных.

Общая атмосфера начинает складываться до того, как гости переступили порог. Даже если приглашение звучит щедро: «Приезжайте в любое время!», это не значит, что стоит внезапно появляться со случайными гостинцами в два часа дня — разгар хозяйственных дел. Или поздним вечером — в заслуженные минуты вожделенного отдыха после утомительных забот.

Дачная жизнь, в отличие от городской, имеет собственный ритм: грядки с поливом, стройка-починка, послеполуденный сон или десяток обязательных страниц в день. Поэтому согласование времени визита — уважение не только планов, но и сил. Точно так же лучше заранее уточнить, что привезти с собой. Опытные люди знают: чем более конкретный вопрос, тем полезнее ответ. «Взять мясо или сделать салат?» звучит гораздо лучше, чем «Ну, я что-то прихвачу».

И, пожалуй, главный секрет заключается в том, что хорошим гостем на даче становятся не из страха «не так сделать», а из желания быть частью общей гармонии. Там, где уважают чужой труд и пространство, помогают, а не усложняют, благодарят, а не требуют, всегда будет тепло, и не только от мангала. Приехав, не ждите, что вас встретят как в гостинице. На даче все держится на взаимопомощи: одни готовят угощение, другие разжигают мангал, кто-то помогает накрывать стол. Оставаться в стороне — значит невидимо переложить на хозяев лишний груз. А ведь они пригласили вас отдыхать вместе, а не обслуживать.

Территория дачи — продолжение дома под открытым небом. Без спроса открывать дворовые пристройки, срывать цветы «для фото» или брать чужие вещи — что открыть тумбочку в гостиной или заглянуть в хозяйскую спальню. Даже если уверены, что «ничего страшного», лучше уточнить.

Отдельная тема — дети и животные. Милые в городе, они могут стать бедствием на клумбе или грядке. Дачный этикет подразумевает, что гость отвечает за своих спутников, будь то малыши или четвероногие.

Застолье на даче — особая магия. Но оно легко превращается в испытание, если гости приезжают с пустыми руками или начинают оценивать готовку как кулинарное шоу. Здесь действует простое правило: если нравится — скажите, не нравится — промолчите. И обязательно участвуйте в общем процессе приготовлений празднества: нарезка овощей, сервировка стола и подача блюд, уборка тарелок — это не работа, а часть дачной концепции удачного совместного времяпрепровождения. К слову, об отдыхе, дача — не концертная площадка. Громкая музыка или бесконечные тосты хороши, только если с этим согласны все. Алкоголь тоже требует меры: в узком кругу запомнят не количество выпитого, а то, насколько легко с вами было проводить время.

Самый тихий, но важный момент — отъезд. Не исчезайте «по-английски», оставив за собой гору грязной посуды и полный мангал углей. Вместе убрать стол, собрать мусор, сложить стулья — это не формальность, а знак благодарности хозяевам. И не оставайтесь дольше, чем планировалось, если хозяева не предложили ночевку. Да, день на даче проходит быстро и сладко, но хозяевам завтра снова продолжать дачные будни.

АЛЕКСАНДР АРХУТИК

Номер 2 КупавнаZINE:
E-mail: **kupavnazine@mail.ru**
Александр Архутик — дизайн
Алексей Колганов — верстка
Ольга Селиванова — корректура
Лариса Шамикова — редактура

В номере использованы иллюстрации из книги Е.В. Лаврентьевой «На даче» (ООО «Издательство «Этерна») и открытых источников

УЧАСТКИ ЗЕМЛИ ПОДЪ ДАЧИ

ПО ПАВЕЛЕЦКОЙ ЖЕЛ. ДОРОГѢ.

Въ непродолжительномъ времени будутъ сдаваться въ аренду подъ постройку дачъ участки земли въ имѣніи „ГОРКИ“

г.г. ГЕРАСИМОВЫХЪ.

Имѣніе расположено на Каширскомъ шоссе, въ 25 верст. отъ Москвы. Все имѣніе (350 десятинъ) расположено на очень высокомъ холмѣ (до 20 саж. на рѣкой) на самомъ берегу Пахры (30 саж. ширины и глубины до 10 арш.). Имѣніе представляетъ холмистую, безусловно, сухую мѣстность, покрытую березовымъ и липовымъ лѣсомъ (180 десятинъ). Обиліе воды. Лѣтомъ 1902 г. предполагается къ постройкѣ пассажирская платформа на 24 вер. ж. д. (въ 2-хъ верстахъ отъ имѣнія) и къ ней шоссе. Владѣльцы задаются цѣлью создать дачный поселокъ исключительно для лицъ ищущихъ тишину и спокойную жизнь въ мѣстности, изобилующей всѣми лучшими удобствами, а посему предполагаютъ сдать въ аренду не болѣе 50 дес. при условіи постройки только одной дачи на десятинѣ; вся остальная площадь имѣнія предполагается для общаго пользованія. При имѣніи имѣются молочная ферма, ягодный и фруктовый садъ, огородъ. За справками обращаться по адресу: Ильинка, Средн. Ряды уголъ Хрустальнаго переулка № 212. Правленіе Т-ва Реутовской Мануфактуры.

Фото «Справочная книга «Окрестности Москвы» (В.П. Магнуссен и Лев Уманец. Москва, 1902 год)

Это не конец!